Дарья Кузнецова
Спасителей не выбирают
18+

Дарья Кузнецова

Спасителей не выбирают

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72229069
SelfPub; 2025

Аннотация

Жизнь порой любит жестоко подшутить над людьми, уверенными в собственной неприкосновенности. Так вчерашний владетель Хаггар Верас, аристократ и маг исключительной силы, волею судьбы превратился из хозяина жизни в изгоя, человека вне закона. Но жизнь справедлива: отнимая что-то, она всегда дает новый шанс. Главное – извлечь урок, сделать правильные выводы и не повторять предыдущих ошибок. И если в родном мире тебе больше нет места, следует поискать за его пределами. И там можно найти не только новое занятие по душе, но и приключения и даже любовь.

ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ ОТКРОВЕННЫЕ ЭРОТИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ.

Содержание

Часть первая 4
Конец ознакомительного фрагмента. 95

Дарья Кузнецова
Спасителей не выбирают

Часть первая
Первые шаги

Сознание вело себя странно. *Он* не мог поручиться, что находится в здравом уме, но и признать себя обезумевшим не хотел. Порой появлялись проблески, озарения, и *Он* ясно сознавал, кто он, где находится и куда идет, а в следующее мгновение все это затягивал туман забвения, и оставалась лишь твердая убежденность: надо двигаться. Все равно куда, но – двигаться.

Верного пути и ориентиров здесь не существовало, а мгновение передышки непременно обратилось бы в вечность. Мучительную, безнадежную, одинокую и обреченную вечность, наполненную… чем-то. Чем именно, *он* точно не знал, но ощущал – ничем хорошим. А если двигаться, то рано или поздно все кончится и *он* придет.

Куда? Туда, где можно будет наконец отдохнуть. Туда, где не надо будет помнить, где не надо будет мучительно цепляться за обрывки жизни, воспоминаний и ощущений, лишь

бы сохранить остатки себя. Туда, где будет *что-то*, что угодно, лишь бы не эта чуждая голодная пустота, прикидывающаяся то туманом, то толщей воды, то некой вязкой полужидкой субстанцией, каждый шаг в которой растягивался на тысячу.

Шаг…

Он смутно помнил, что это такое, но точно знал: это слово обозначает движение вперед. То, в чем состоял сиюминутный смысл *его* жизни. Вперед, через лабиринты памяти, через боль, через пустоту и безнадежность, сквозь безразличное и чуждое всему живому Ничто.

1387 год от Великого Раскола

Ничейные горы, замок Гнездо, Северный Общемагический университет

Никто точно не знал, кем и когда был построен этот замок, ютящийся на отвесной скале в труднодоступной местности. Историки до сих пор публиковали работы, посвященные Гнезду и его создателям, и как только ни изгалялись почтенные мужи. Авторство приписывали покинувшим мир волшебным народам и загадочным пришельцам извне, всем богам по очереди, вождям-рабовладельцам, великим магам древности…

Последним от историков почему-то доставалось особенно часто. Если собрать воедино все, что так или иначе связывали с этими легендарными личностями, оные маги выходили

на порядок сильнее не то что современных коллег – богов! Они поднимали горы, изменяли русла рек и климат, стирали с карт государства и целые народы.

Гасар Ассай, декан Теневого факультета, созерцал потемневшую от времени поверхность стола, на которой лежали его руки, и очень грустил, что он не один из великих магов древности. Гасить звезды и зажигать луны, должно быть, гораздо приятнее, чем сидеть на педсовете и ждать оставленного напоследок нагоняя от ректора университета. Причем нагоняя несправедливого и оттого чрезвычайно обидного.

Нет, этот крепкий и достаточно молодой еще мужчина, один из сильнейших магов современности, не боялся своего прямого начальника, они даже состояли в приятельских отношениях. Но он помнил устав университета и знал, что в этих стенах ответственность за поведение учеников несут их руководители. Перед куратором потока – староста группы, перед деканом – кураторы, а перед ректором – уже деканы. Эта система зарекомендовала себя неплохо, учебные и дисциплинарные проблемы студентов редко доходили даже до декана, решались на местах, но в любом правиле есть исключения.

– …И последний вопрос на повестке сегодняшнего дня, – прозвучал спокойный и чуть усталый голос ректора, заставивший Гасара подобраться. – Дисциплинарный. А именно – поведение студента Хаггара Вераса. Восемь жалоб с начала учебного года, и это только от педагогического состава, –

резюмировал он. Когда прозвучало имя студента, почти все присутствующие недовольно скривились, кто-то выругался себе под нос, кто-то гневно нахмурился. – Гасар, сожри твою печень Незримый[1], как это называется? Почему ты не можешь призвать к порядку одного малолетнего засранца, первокурсника?!

Ректор, Майяр Харисс, относился к числу существ редких и загадочных – сумеречных магов. Им то приписывали способности обеих сторон силы сразу, то какие-то альтернативные таланты, то пренебрежительно называли «середнячками» и считали бездарностями, неспособными толком освоить магическую науку.

А правда, как всегда, где-то рядом. В теневой области лежат ночные грани условного магического целого – ритуалы, магия крови, иллюзии, хаос и разрушение, пространственная магия, смерть, в светлой – жизнь, порядок, целительство, стихии и зелья. Ни одну из половинок нельзя назвать безусловно доброй или злой, мир держится на их равновесии, а сумрак существует на стыке. Да, сумеречные не способны достичь совершенства в одной из областей, но сила их в умении объединять противоположности. Неопытные студенты этого направления всегда сильно уступали своим товарищам, но на высоких ступенях развития уже могли дать

---

[1] **Незримый** – бог смерти и разрушения, один из старших богов. Почитается наравне с тремя другими старшими богами, но в отличие от них постоянно поминается всуе, обычно – в ругательствах. – *Здесь и далее примеч. авт.*

серьезную фору остальным. К примеру, ни один маг в здравом уме не рискнул бы связаться с Майяром.

– С удовольствием выслушаю твои предложения, – огрызнулся Ассай.

– Тебе прочитать устав? – нахмурил не по возрасту седые брови ректор.

– Я его и так наизусть помню, – поморщившись, отмахнулся декан.

– Тогда почему, Гес, ты не можешь поставить его на место самостоятельно? – мрачно спросил Харисс. – Мы вынуждены на педсовете уделять внимание одному-единственному избалованному ребенку и тратить на него время. Бред!

– Это не ребенок, Май! – не выдержала заведующая кафедрой зелий Онира Вайрат, обычно строгая и сдержанная женщина средних лет. Сейчас магистра, впрочем, буквально трясло не то от злости, не то от возмущения, не то от обиды: ее заявление лежало среди упомянутых ректором восьми. – Это чудовище! И мне очень интересно, магистр Фесар, как это чудовище умудрилось вскрыть вашу портальную защиту и притащить в университет продажных женщин!

– Онира, это вообще наименьшая из проблем, связанных с Верасом, – отмахнулся Гасар.

Конкретизировать, что все «жертвы» нашествия проституток не слишком-то пострадали, он не стал, чтобы не нарываться на скандал. На взгляд теневика, заместитель Ониры, зельевар более чем почтенного возраста, о котором и пеклась

женщина, уже лет пятьдесят не выглядел таким бодрым и окрыленным, как последнюю декаду после упомянутого инцидента.

– Но случай показателен, да, – продолжал между тем декан. – Май, с ним не работают никакие меры, понимаешь? Он слишком силен, и в этом главная проблема. Мы не можем запечатать его дар и выставить его прочь: добровольно на это ограничение он не согласится, а принуждать… Извини, но я категорически возражаю против такого риска. Сам понимаешь, запечатать сопротивляющегося мага непросто, и этот мальчишка нам такой катаклизм устроит – мало не покажется! И я уже не говорю о том, что это незаконно и его папаша размажет нас по ближайшим скалам за надругательство над наследником. А все остальное бесполезно. Исправительные работы и дополнительные задания он выполняет с той же легкостью, с какой университетскую программу. Да, он избалованный засранец, но засранец гениальный, и спорить с этим невозможно, – уже сейчас уровень его знаний соответствует в среднем третьему курсу, а по некоторым дисциплинам и четвертому. Он получил отличное домашнее образование, и в другой ситуации я бы только восхитился подобными познаниями. Карцером его тоже не напугать, он давно уже воспринимает его как повод выспаться и провести сеанс лечебного голодания. Телесные наказания у нас не применяются, но, подозреваю, они бы только ухудшили ситуацию. Сейчас он просто развлекается, а тогда всерьез обидится и

начнет целенаправленно мстить. Магические воздействия на студентов запрещены, но даже если ты особым указом разрешишь мне нечто подобное, это опять же не поможет: силен, зараза. А уж вариант с привлечением родителей попросту не имеет смысла. Хаггар – единственный наследник, свет в оконце и отдушина, он по определению не может сделать что-то плохое, и достучаться до отца шансов нет. Если уж разбираться, то мы имеем дело как раз с результатом домашнего воспитания, и ничего нового его родители не привнесут. Кроме того, ты не хуже меня знаешь Вераса-старшего и его взгляды. Единственное, что он ответит на претензии к поведению сыночка, что не надо допускать в университет всяческое отребье. Именно от него младший всего этого нахватался, и как перевоспитать по сути уже сформировавшегося взрослого человека, я не знаю, извини. Тут только боги могут помочь.

– Я тебя услышал, – медленно кивнул ректор.

Хаггар Верас-старший действительно был личностью одиозной и широко известной своими консервативными взглядами. Он презирал всех, кто не мог похвастаться по меньшей мере десятком благородных поколений предков, считал, что все проблемы страны происходят от чрезмерной образованности черни, что всем детям низкого происхождения надо принудительно запечатывать дар. Женщин он, к слову, тоже считал пригодными только для ведения хозяйства и рождения детей и потому пренебрежительно относился даже

к собственной жене, подарившей ему всего одного ребенка. Впрочем, качество конечного продукта это отношение существенно смягчало, так что вместо презрительного равнодушия госпожа Верас получала от мужа снисходительное одобрение и даже некоторую добродушную опеку, что для владетеля[2] было явлением беспрецедентным.

Своего сына и наследника Верас-старший обожал и до безумия им гордился – Хаггар-младший являлся воплощением всего того, чего от него ждал отец. Первый в учебе, первый на арене, первый любимец девушек, благородный и безукоризненный с равными, но презирающий «безродное отребье» и при любом удобном случае «ставящий его на место». Людьми он считал только потомков благородных родов, а всех остальных ставил где-то наравне с животными: к годным и нужным снисходителен, больных и слабых готов уничтожать.

Он не делал различия между преподавателями и соучениками и с одинаковым успехом выводил из себя всех, причем физическим превосходством своим пользовался исключительно редко, обычно в порядке самозащиты. Отнюдь не из благородства, просто подобная победа казалась ему скучной, никакого удовольствия в физическом уничтожении более слабого противника Хаггар не находил. Бойкий на язык, остроумный и бесконечно самоуверенный юноша предпо-

---

[2] **Владетель** – старший аристократический титул, которых всего четыре. Далее по нисходящей идут хранитель, державый и ставленник.

читал доводить жертву до истерики словами, не скатываясь в банальные оскорбления. Он безжалостно бил по самому больному, с удивительной точностью находя уязвимые места.

Те, кому позволяло положение, предпочитали с ним дружить. Те, кому не позволяло, пресмыкались. А те, кому унижаться не позволял характер, в основном и страдали. Очень мало кто из числа последних мог достойно держать уколы ядовитого жала, вложенного Незримым в язык этого юнца. Впрочем, уважать их Хаггар за это не начинал, просто действовал другим, более изощренным оружием.

Для Вераса-младшего все это было даже не попытками самоутверждения – чем-то вроде спорта или увлечения. Кто-то коллекционирует старинные монеты, кто-то увлекается бегами, а этот ради спортивного интереса втаптывает в грязь и унижает тех, кто, по его мнению, не достоин учиться с ним рядом или тем более преподавать. Вероятно, от скуки. Но все попытки преподавателей направить бурную энергию в мирное русло неизменно проваливались. Знания мальчишка впитывал как губка, все дополнительные курсы и факультативы усваивал с большим энтузиазмом, но даже при удвоенной по сравнению со сверстниками учебной нагрузке у него хватало энергии и времени на то, чтобы испортить жизнь окружающим.

К слову сказать, к немногочисленной имеющейся в замке прислуге, выполнявшей те функции, которые не могла вы-

полнить магия, Хаггар относился гораздо лояльней, чем к соученикам из низших сословий, никогда не придирался к мелочам, не цеплял, да и в целом держался повежливей многих гораздо менее проблемных учеников. И в этом он тоже копировал отца: знай свое место и делай свое дело, тогда к тебе не будет никаких претензий.

– Где он сейчас? – после нескольких секунд раздумий спросил Майяр.

– В карцере, как обычно, – пожав плечами, отозвался декан Теневого факультета. – Предоставить?

В ответ на кивок декана над поверхностью стола медленно соткалась иллюзия, отображающая происходящее в одном из подземелий Гнезда. Обстановку крошечной клетушки с низким потолком составляли жесткие нары, дыра в углу – отхожее место, и одинокий огонек свечи на специальном каменном выступе у двери. Временному обитателю эта комнатка была откровенно тесна, высокий юноша не мог ни вытянуться на койке во весь рост, ни встать прямо.

Впрочем, расстроенным подобными жизненными обстоятельствами объект обсуждения не выглядел. Он сидел в углу койки, вытянув длинные ноги и спокойно привалившись спиной к холодным камням стены и, кажется, медитировал. Или просто дремал.

– Досадно, – через пару мгновений сокрушенно вздохнул декан и качнул головой.

– Что именно? – раздались растерянные голоса.

– Что такой перспективный и талантливый юноша вырос в такой семье и получил подобное воспитание, – пояснил тот. – Из него получится великий маг, вопрос только, что это принесет всем нам.

– А может, все-таки запечатать дар? – мрачно предложила Онира Вайрат, хотя по глазам было видно – зельеварша предпочла бы просто придушить малолетнего мерзавца.

– Мы не имеем права на такой шаг, он пока не совершил ничего, за что законом предусматривалось бы подобное наказание.

– А тебе не кажется, что, когда совершит, будет уже поздно что-то менять? – подал голос Савас Ойшар, декан Светлого факультета.

Он-то как раз являлся выходцем из семьи простых ремесленников, всего в этой жизни добился сам, а Хаггара Вераса – обоих – и им подобных искренне ненавидел. Впрочем, будучи человеком умным и осторожным, ненавидел молча и не давал никому повода заподозрить себя в предвзятости. Подобные владетели из древних аристократических родов обладали слишком большой властью, чтобы можно было выступать против них открыто, и Ойшару приходилось стискивать зубы и терпеть. Пока.

Всем, кто его знал, этот светлый маг напоминал плеть или змею. Походил он на это животное внешне – долговязый, худощавый, неожиданно ловкий и пластичный для такого сложения, с узким острым лицом и холодными серыми глаза-

ми. Да и характер соответствовал его внешности – гибкий и прочный, Савас умел приспосабливаться к обстоятельствам, изворачиваться и очень хорошо умел ждать, при этом не изменяя себе и своим целям.

Гасар относился к числу немногочисленных приятелей этого недоверчивого и скрытного человека и очень данному факту радовался: видеть Ойшара среди врагов он хотел бы не в большей степени, чем Харисса.

– Не исключено, – склонил голову ректор. – Но это не дает нам права сейчас идти против законов и совести. Наша обязанность – обучить этого юношу, равно как и остальных его сверстников. Наш долг – попытаться повлиять на его мировоззрение. Что касается первого пункта, я вижу только один выход: нужно по возможности изолировать его от остальных учеников, обеспечив при этом всестороннюю подготовку по необходимым предметам. Учитывая его интеллект и тягу к знаниям, мы легко можем составить для него индивидуальную программу обучения экстерном – и сам Верас займется делом, и срок пребывания его в стенах университета сократится. Возражений нет? Отлично. А вот по поводу второго пункта стоит серьезно подумать. Ясно, что при полном отсутствии у мальчика жизненного опыта и личной точки зрения превозмочь авторитет отца не получится, тем более – нахрапом, грубо и прямо. Не дайте вам боги критически высказываться о Верасе-старшем! Насколько я понимаю, это только настроит его против вас, потому что отца он боготворит.

Я верно говорю, Гасар?

– Верно. Но ты же вроде с ним не знаком?

– С младшим – нет, но очень хорошо знаю старшего, – пожав плечами, коротко пояснил Майяр Харисс. – Так вот, возвращаясь к этому ученику… Пока единственное, что приходит в голову: мы можем заронить в него сомнения. При всем его уме и силе это все-таки подросток, ведет он себя как подросток и реагировать будет как подросток. Завтра выходной, так что какое-то время для принятия решения у нас есть. Гасар, Савас, останьтесь, составим индивидуальную программу. Сегодня начнем, завтра доделаем. Есть же у нас преподаватели, которые не страдают от его остроумия? Хоть кого-то это юное дарование уважает?

– Найдется, – кивнул декан Теневого факультета. – В общем-то всех, кто так или иначе выдается своей родословной. Он даже к некоторым женщинам относится с уважением как к специалистам, чем отличается от отца в лучшую сторону.

– Тем лучше.

Гасар вновь кивнул, хотя вопросов ему больше не задавали, и уставился в окно, за которым сгущались сумерки. Время суток, несмотря на живучие суеверия, никак не влияло на магов той или иной специализации. Точнее, влияло, но точно так же, как на прочих людей: кто-то отличался повышенной энергичностью утром, кто-то просыпался лишь к вечеру. Магистр Ассай, в пику наименованию своего дара, предпочитал день и солнечный свет, а спать ложился рано. Вечер

же всегда нагонял на него уныние, и сейчас теневой маг не мог понять, одолевает его привычная тоска по закатившемуся солнцу, портят настроение прозвучавшие намеки на грядущие неприятности или грызет полноценное предчувствие. К сожалению (или к счастью?) Гасара, прорицание и провидение относились к дневной области дара, да и особенно чуткой интуицией мужчина не обладал.

Под намеками стоило, конечно, понимать слова Майяра о великом маге, который вырастет из Хаггара Вераса-младшего. Гасар не читал никаких специализированных исследований, но факты мировой истории и народная молва утверждали: великие маги (не древние, а вполне документально засвидетельствованные) появляются на свет в час перемен. Правда, большой вопрос, что в этом тандеме первично. Можно ли в самом деле считать таких магов предвестниками злого рока или дело все же в личной неугомонности тех, кого потомки через десятилетия нарекали великими? Неизбежность предначертанных богами изменений привлекала в мир мятущиеся яркие души, переполненные силой, или могучая воля избранных смертных перекраивала умы, судьбы и мировые карты?

Парадокс, но окружающее Ничто, эта противоположная самому понятию *существования* субстанция казалась живой, разумной и сознательно враждебной. *Ему* мерещился пристальный недобрый взгляд, направленный со всех сторон

сразу, который пронзал насквозь и видел все: прошлое и будущее, замершую в жилах вязкую кровь и сдавленные реберной клетью легкие, сущность и каждую мысль, мелькнувшую в мозгу за всю недолгую жизнь. А рассмотрев подробно и чем-то заинтересовавшись, глядящий выуживал это на поверхность, перетряхивал, что-то добавлял, а что-то – выбрасывал прочь.

Или не Ничто? Или безмолвным деятельным наблюдателем был кто-то, кто чувствовал себя уверенно, для кого эта нереальность являлась вполне определенным и однозначным «здесь», а не расплывчато-пугающим «где-то»?

Междумирье. Когда-то само это слово вызывало трепет, восхищало своим звучанием, в котором одном уже слышалась тайна, и не какая-то мелкая, бытовая, а тайна бытия, причем бытия не человеческого – божественного! Тайна рождения миров, ответы на все вопросы – абсолютное знание. Легендарная нереальность, в которую мечталось заглянуть хоть одним глазком, прикоснуться хоть кончиком пальца…

Сейчас *Он* мало интересовался сутью окружающего и происходящего. Просто двигался вперед, оставляя Междумирью клочья себя как сувениры, как обрывки одежды и капли крови на иглах густого колючего кустарника. Упрямо и целенаправленно, не считаясь с потерями и не позволяя себе сомнений – как делал всегда – шел. *Он* уже не искал ответов, потому что вопросы растаяли где-то на первом шаге или да-

же раньше, не жаждал силы и власти.

Он просто искал выход.

1394 год от Великого Раскола

Кирмил, столица Рубера, Верхний район

Музыка играла тихо, лишь создавая фон, разбавляя тишину и органично вплетаясь в доносящийся из открытого окна ненавязчивый шум улицы. Шелест ветра, шорох колес экипажей по брусчатке, пение какой-то птицы, незаметной в густой листве дерева на противоположной стороне неширокой улицы, – вот и все звуки.

Как известно, большие деньги любят тишину, а в Верхнем районе Кирмила живут именно те, кто этими деньгами владеет. Здесь не голосят зазывалы и газетчики, не дымят заводские трубы, не случается на улицах пьяных скандалов и драк, неизменно пахнет цветами, свежестью или, в крайнем случае, какой-то очень вкусной едой. Ночью здесь всегда горят фонари, в распутицу можно пройтись по мостовой, не запачкав обувь, а зимой почти невозможно поскользнуться. По мнению обитателей других мест – подлинный рай на земле.

Этим небольшим респектабельным особнячком в глубине Верхнего района владела пожилая вдова. Она давно уже предпочла городу свежий деревенский воздух, а домик сдавала внаем. Не из-за недостатка денег – просто лишенное обитателей жилье слишком быстро ветшает, поскольку неко-

му беспокоиться из-за сырости в дождь, холода в мороз или застоявшегося душного воздуха в жару. Эти неприятности вредят домам не меньше, чем людям, только первые без помощи вторых не способны решить свои проблемы.

Особнячок отличался сравнительно небольшими размерами, но единственного постоянного обитателя все устраивало. Да, Хаггар Верас в родном доме привык к куда более роскошным условиям, но возможность в свое удовольствие пожить без постоянного присмотра родителей искупала все неудобства. Отец хоть и ворчал вслух на самоуправство наследника, но внутренне всецело одобрял такое стремление: мужчина должен уметь самостоятельно решать все проблемы, а как положиться на мальчишку, всю жизнь прожившего под маминой юбкой? И когда четыре года назад молодой отпрыск решительно заявил, что улетает из родного гнезда и, более того, намеревается жить своим умом и, что особенно важно, на свои деньги, Верас-старший при показном неодобрении такой порыв поддержал. Первое время он пристально наблюдал за сыном, но вскоре с удовлетворением признал того достаточно взрослым и способным к самостоятельной жизни. Честь семьи наследник не ронял, с подозрительными компаниями не якшался, в азартные игры не играл. А что порой шумно гулял и пил с друзьями да свои любовные похождения не слишком-то скрывал – так зачем нужна молодость, если не для этого? Главное, знать меру, а с этим у Хаггара-младшего проблем не наблюдалось. И отец смотрел на

развлечения сына сквозь пальцы.

Сейчас этот сын занимался не самым привычным делом – прихорашивался. Обычно он не задумывался о своем внешнем виде, а сейчас внимательно разглядывал развешенные камердинером пиджаки, брюки и рубашки и тщательно подбирал одно к другому.

– Господин, к вам посетитель – хранитель Варон Присс. Прикажете принять? – На пороге появился как всегда безупречный, с безукоризненной выправкой дворецкий.

– Варон? Это кстати! – оживился Хаггар. – Зови, конечно.

– Привет, а я надеялся тебя разбудить, – через минуту прозвучал с порога насмешливый молодой голос. – Что это с тобой? – растерянно и даже почти испуганно воскликнул вошедший друг, разглядывая Вераса-младшего.

– Подбираю костюм для визита к родителям, – со смешком отозвался тот.

– Не слишком ли ответственно?

– Мать прислала птичку, очень просила выглядеть достойно. Судя по тому, что это слово встретилось шесть раз за ладонь текста, она чрезвычайно взволнована. Вряд ли речь идет о каком-то пустяке.

– Кхм… Даже не знаю, что тебе на это сказать. – Молодой Присс бесцеремонно сдвинул в сторону одежду и устроился на диване, с любопытством разглядывая друга.

– Лучше скажи, какими судьбами? По делу или просто так? – сменил тему Хаггар.

– По делу, – ответил друг. – Помнишь того хамелеона, которого я просил? Он готов?

– Готов, конечно, можешь забирать. – Хозяин дома кивнул. Маскировочный амулет он создал быстро, но все забывал его отдать. – Сейчас тут закончу и принесу. Ты так не ответил, зачем он тебе?

Варон Присс магом не был и совсем не страдал по этому поводу. Все, что нужно наследнику рода и большого состояния, он выучил к двадцати одному году, с тех пор иногда помогал отцу с делами, чтобы более-менее вникнуть в них, а в основном посвящал свою жизнь удовольствиям, порой достаточно экзотическим. Поскольку Приссы являлись едва ли не самым богатым родом в стране, он мог себе это позволить. Например, мужчина очень любил загадки, тайны и интриги и нырял в каждую новую с головой. Хаггар искренне полагал, что именно это друга и погубит, но донести эту мысль до него даже не пытался – бесполезно.

Дружили молодые люди с раннего детства, как дружили их отцы. Ровесники, оба единственные сыновья в семьях, они выросли в соседних поместьях и считали друг друга почти братьями. Правда, со стороны принять их за родственников не сумел бы никто – день и ночь, полные противоположности друг друга.

С одной стороны – Хаггар. Расчетливый, хладнокровный, циничный и язвительный маг, заставлявший некоторых окружающих вспоминать дремучие суеверия, что тене-

вые маги – суть зло. Высокий жгучий брюнет с тонкой светлой кожей, гибкий и сильный, не забывающий о систематических тренировках с оружием, скупой в движениях и мимике. Узкое скуластое лицо, хищный нос, тонкие губы и глубоко посаженные карие глаза, невзирая на теплый цвет кажущиеся холодными и колючими. Наверное, из-за не тающего в их глубине льда скуки и презрения… нет, не к собеседнику – ко всему миру.

А с другой – Варон. Ниже друга на голову, круглолицый кудрявый блондин с ясными голубыми глазами. Не толстый, но с мягкими округлыми чертами лица и тела, выдающими человека далекого от энергичных движений. У него и манера была такая – вкрадчивая, плавная, неторопливо-вальяжная. Фанат игр ума, он больше любил рассуждать, чем действовать. При решении проблемы он сначала долго собирал информацию, подробно анализировал ситуацию, потом строил серьезный план со множеством вариантов, а потом методично и аккуратно воплощал его в жизнь. Варон с первого взгляда располагал к себе, казался добродушным и покладистым. Да он таким и был – ровно до тех пор, пока все в окружающем мире шло в соответствии с его представлениями о допустимом.

– Хочу одну вещь проверить, – расплывчато отозвался Присс. – Он надежен?

– Безусловно. Я не экономил, – отмахнулся Хаггар, но все-таки пояснил подробнее: – Моя личная разработка. Ска-

неры его не видят, блокаторы не ловят, при обыске он отводит глаза. Даже если тебя закуют в хладное железо, еще несколько часов будет исправно работать.

– Незримый тебя разорви, думай, что говоришь! – возмутился гость. – Еще накликаешь! А все-таки зачем ты понадобился матери, да еще в таком парадном виде?

– Предполагаю, меня познакомят с невестой, – невозмутимо пожал плечами Верас-младший.

– И ты так спокойно об этом говоришь? – поперхнулся блондин.

– А зачем нервничать и дергаться? – Хозяин дома бросил на гостя насмешливый взгляд. – Это неизбежно. Долг перед родом – законный наследник. Ты, кстати, готовься – если я угадал, твой отец тоже скоро озаботится этим вопросом.

– Тьфу, вот не было печали, – скривился Варон. – Только этого мне не хватало для полного счастья!

– Друг мой, когда жена мешала спокойно жить? – пренебрежительно фыркнул теневой маг. – Сделал ей ребенка – и отправил в какое-нибудь поместье, дышать свежим воздухом. Еще можно толковую светлую с опытом целителя приставить для контроля, чтобы уж точно не было никаких осложнений. Сомневаюсь, что хранитель Присс настолько жесток, что подберет тебе совсем уж глупую курицу или уродину, то же самое могу сказать и о своем отце.

– Тоже верно, – нехотя согласился гость. – Но все равно, жени-и-иться…

– Невеста? – вдруг послышался от неприметной внутренней двери негромкий женский голос.

Хаггар слегка поморщился, предчувствуя некрасивую сцену, а Варон смутился – быть свидетелем этой сцены ему очень не хотелось.

На пороге комнаты неподвижным изваянием или скорее тенью замерла молодая женщина, и стояла она там незамеченной, судя по всему, уже несколько минут. Зеленое платье строгого силуэта подчеркивало великолепную фигуру – тонкая талия, высокая полная грудь – и молочного оттенка нежную кожу. Черные блестящие волосы волной спадали на плечо, и тонкая ладонь медленно и уже машинально проводила по ним мягкой щеткой.

– Только не начинай, – проворчал хозяин дома, не глядя в сторону женщины. – Не могла же ты всерьез рассчитывать занять это место?

В глубоких и чистых синих глазах, если бы кто-то из мужчин заглянул в них, можно было бы прочитать однозначный ответ – да, она действительно рассчитывала именно на такой итог. Действительно наивно поверила, что Хаггар Верас-младший не такое чудовище, как говорят о нем некоторые. Понадеялась, что сумеет изменить его, приручить, в конце концов, привязать к себе. Тронуть душу… Не может же у него ее не быть, в самом деле!

Увы, оказалось – может.

Полные, яркие без всякой косметики губы искривились

от боли в горькой усмешке. Но Нирана Артус сумела справиться с собой и не закусить губу до крови.

– А ребенок? Или ты сейчас, как в дурной пьесе, заявишь, что не знаешь, от кого я его нагуляла? – Женщина могла бы собой гордиться: голос не дрогнул. Могла бы, если бы у нее оставались сейчас на это силы, но все они уходили на попытки сохранить остатки гордости, чтобы не дать глазам наполниться слезами.

– Нирана, я теневой маг, уж подобную мелочь я вполне способен понять, – с легким укором отозвался Хаггар, поочередно прикладывая к полузастегнутой рубашке на своих плечах три галстука и прикидывая, какой лучше. – А что – ребенок? Ублюдок с непонятной наследственностью мне не нужен.

– Но это твой… – проговорила она и запнулась – язык не повернулся назвать ни в чем не повинное дитя этим словом. Несмотря на холод в груди, несмотря на обиду, жгущую душу, в которой в эту минуту медленно и мучительно рождалась ненависть; из растоптанной первой настоящей любви, закаляясь в боли первого предательства, – холодная, удивительно острая и чистая первая настоящая ненависть.

– Дарю. – Мужчина слегка поморщился. – Никто не мешает тебе вытравить плод, с этим справится любой толковый целитель. Кроме того, на твое имя в Центральном банке открыт хороший счет. С таким приданым и при твоей внешности не составит труда успешно выйти замуж, отсутствие

девичьей чести и наличие внебрачного ребенка мало кого остановит.

До зуда в пальцах, до кома в горле ей захотелось зарычать, завыть, швырнуть в эту надменную сволочь расческу, а следом – самое смертоносное заклинание из имеющихся в арсенале. Но Нирана медленно прикрыла глаза, глубоко и судорожно вздохнула и проговорила:

– Пусть будет так.

После чего развернулась и вышла в соседнюю комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь. Она не будет закатывать истерику, не будет швыряться – ни расческами, ни чарами, ни деньгами. Первое глупо, второе – бесполезно, Верас все равно сильнее. А третье… третье глупо вдвойне. Деньги еще пригодятся.

Нирана пока еще не знала как, но точно знала, что отомстит. На мгновение мелькнула заманчивая мысль вернуть его, заставить умолять вернуться, но женщина поспешила ее отогнать: не то. Слишком глупо, слишком по-бабьи цепляться за этого человека и повторно верить тому, кто однажды воткнул нож в сердце.

Когда женщина, уже одетая и выглядящая совершенно пристойно, навсегда покинула этот дом, плана действий у нее по-прежнему не было, зато появилась ясная цель: в полном смысле уничтожить этого человека. Увидеть, как он потеряет все, лишится своего лоска и надменного спокойствия, окажется втоптан в грязь.

Как может посредственная волшебница без особенных связей и влияния навредить владетелю, самому сильному магу современности, она пока не представляла, но… даже боги не вечны, а Хаггар Верас – всего лишь человек.

А в комнате за закрытой дверью некоторое время после ухода женщины висела тишина. По-прежнему из артефактной шкатулки лилась музыка, по-прежнему из открытого окна доносились звуки улицы, но тишину – настороженную, тревожную, вопросительную, наполненную невысказанными упреками и непролитыми слезами, – все это не нарушало.

– Хар, она это серьезно сказала? – борясь с непривычным неприятным ощущением неловкости, тихо спросил гость. – Про ребенка.

– Увы, – с тяжелым вздохом отозвался тот. – Да знаю, сглупил, конечно. Она меня подловила в неподходящий момент, целенаправленно… Но это бесспорно не оправдание, сам виноват. Ничего, моя ошибка – я и исправлю.

– Каким образом? – нахмурился блондин.

– Маг я или не маг? – холодно усмехнулся Хаггар. – Не смотри на меня так, ничего незаконного. Во всяком случае, такого, что закон способен отследить.

Еще некоторое время, пока определившийся наконец с нарядом маг одевался, мужчины молчали, и вновь первым заговорил гость, решив сменить тему:

– Как тебе последние новости?

– Какие? Прости, ты же знаешь, я не читаю газет и почти

не участвую в светской жизни, слишком много работы. А отдыхать предпочитаю иным образом.

– Политические, – коротко ответил Варон. – В стране неспокойно. Король помиловал торговца, который убил державого Арака Окара. Помнишь, громкий скандал был с изнасилованием дочери того простолюдина?

– Ну, Окар получил по заслугам. – Хаггар пожал плечами. – Между нами, он действительно был редчайшая мразь.

– Я не жалею и не оправдываю его, но… Хар, это называется прецедент. Думаешь, в умах людей отложится тот факт, что Окара настигло возмездие? Нет, друг мой, это прозвучит совсем иначе. Простолюдин убил аристократа – и король подобное поощрил.

– Не говори глупостей, – отмахнулся маг и пренебрежительно фыркнул. – Думаешь, после этого чернь массово пойдет убивать своих хозяев?

– Это только один штрих. Постоянно всплывают какие-то агрессивно настроенные группы людей. Опять же король грезит прежними веками – абсолютной монархией. Я нюхом чую, что-то будет!

– Нюхом ты чуешь завтрак, через четверть часа будут подавать, – рассмеялся Хаггар. Смех его звучал неприятно, при хрипловатом низком голосе он получался резкий и каркающий, зловещий, что лишь усугубляло сходство мужчины со страшными темными магами из сказок. – Успокойся, Ван, тебе везде мерещатся заговоры. Инакомыслящие и дураки

были всегда и никогда не вымрут, а король… Кишка у него тонка пойти против сложившейся ситуации, не тот человек. Он привык жить в тепле, уюте, спокойствии и сытости и делать порой широкие красивые жесты вроде вот этого помилования. Страна давно уже держится на плечах владетелей, а у него хребет переломится от такой нагрузки.

Память напоминала догнивающую мусорную кучу. Обрывки и обломки прошлого смешивались, слеплялись, спаивались в безобразную однородную массу, пахнущую тленом и вызывающую отвращение. Хотелось закрыть глаза и уйти, отвернуться и больше никогда ко всему этому не прикасаться.

Но *Он* упрямо рылся в отбросах, пытаясь отыскать… не жемчужину, нет. Что-то относительно целое, поддающееся опознанию, связное и годное к применению. Что-то, что можно взять в руку и однозначно определить его природу. Что-то *реальное*. Что-то достаточно прочное, способное служить опорой или хотя бы подпоркой. Не отдельные взгляды, слова, образы и мгновения, а целые фрагменты жизни, пригодные для создания фундамента… чего? Пока неясно. Чего-то, способного выжить вне времени и пространства, сильного и незыблемого, как само Ничто.

Или не *Он*? Или этими поисками занимался некто другой? Тот самый бесстрастный сторонний наблюдатель, способный здесь и сейчас собрать целое из обломков и отделить нужное

от мусора.

Впрочем, этот некто и сам не знал, какая мозаика сложится из мелких разноцветных стеклышек…

1398 год от Великого Раскола

Пригород Кирмила, столицы Рубера

Принято считать, что все неприятности случаются внезапно. Что для счастья нужно много трудиться, а горе приходит само и вдруг, когда ничто не предвещает беды. Такое тоже случается, но гораздо реже, чем кажется людям. Не только потому, что последние себя обманывают и старательно не замечают неприятностей. Просто над собственными радостями человек долго и трудно работает сам, а над его проблемами – кто-то другой. Людям же по их природе свойственно не обращать внимания на чужой труд.

Зима в этом году наступила вдруг, не в свое время. Злая, обиженная на весь свет, она сплющила и сжала осень до такой степени, что ее почти никто не заметил. Жители Рубера полагали, что это временное явление и осень еще заглянет на огонек со своим сопливым носом и затяжными дождями, но ей никто не дал такого шанса.

Снег валил сутками, порой сменялся мелким дождем. Потом по тонкому слою воды прокатывался, слегка потрескивая, некрепкий мороз, раскатывая его в листовое железо, а сверху снова ложился слой пухлого, мягкого снега. А когда зима решила, что запасла достаточно воды, холод воцарил-

ся окончательно. На календаре в это время только кончалась осень.

Старики утверждали, что последний раз такая зима пришла в год, названный после Великим Расколом. Когда по воле богов ли, по прихоти ли смертных единый прежде магический талант разделился на теневую и светлую стороны. Время тогда наступило настолько смутное, настолько страшное, что сейчас от него не осталось даже внятных легенд, только противоречивые слухи, пронизанные страхом выживших свидетелей, утверждавших, что все случилось вдруг и одномоментно.

Но людям свойственно не замечать приближающейся беды. И даже те самые старики, поминавшие Великий Раскол и считавшие раннюю суровую зиму дурным знаком, всерьез не ждали настоящих проблем. Поэтому беда пришла внезапно. Прикатилась тревожными новостями из соседних городов, залегла в подвалах домов и принялась за подготовку к решительному штурму. Исподволь заползала в человеческие головы и сердца, копилась там, умело затрагивая нужные струны. А ее проверенные и надежные союзники – лютый мороз и перебои с поставками продовольствия – подступали с других сторон.

Над городом зависла единственная мысль: «Что-то будет!» И мало кто понимал, что это «что-то» уже есть, просто не все его видят. Поэтому беда, несмотря на все усилия немногочисленных осведомленных, достигла критиче-

ской массы и обрушилась на столицу внезапно, за час перед рассветом второго дня зимы, ударив одновременно в разные точки, одной из которых оказался особняк владетеля Хаггара Вераса.

В атакующей группе только совсем уж случайный и недалекий наблюдатель мог бы заподозрить спонтанно собравшуюся толпу, опираясь на внешний вид нападающих – одеты они были очень по-разному. Но действовали настолько слаженно и организованно, что сомнений в спланированности акции не оставалось. А еще среди нападающих были маги, очень сильные маги, именно они составляли основную ударную силу.

Магическая защита сдалась быстро. Никто не собирался в этом доме пережидать войну, защищался он только от грабителей и никак не рассчитывал, что вместо них придут совсем другие люди, не заинтересованные в материальных ценностях.

Хаггара Вераса-старшего, слабого теневого мага, оглушили сразу, еще в постели, и тщательно связали – он даже, кажется, не успел толком проснуться. Его жену, от страха не сумевшую даже закричать, выволокли из кровати, и хмурый молодчик в гражданском, но с военной выправкой вывел ее из комнаты – босую и простоволосую, в длинной белой ночной сорочке. И тот факт, что подобным же образом поступили не только с пожилой владетельницей, но и с молоденькой хорошенькой невесткой, которую и пальцем не трону-

ли сверх необходимого, лучше всего доказывал подготовленность и организованность нападения.

Самую большую проблему в этом доме представлял Хаггар Верас-младший, и опасения нападающих он полностью оправдал. Пыль хладного железа, осевшая на его кожу и волосы, попавшая с первым вдохом в легкие, действовала хоть и недолго – не больше часа, и это в лучшем случае, – но зато эффективно. Но даже такой – пойманный врасплох, оглушенный потерей доступа к магии, нагой и вооруженный единственным ножом, невесть с какой целью хранящимся под подушкой, – он сумел доставить нападавшим несколько неприятных минут, серьезно ранив одного и задев другого. Регулярные тренировки не прошли даром.

Маги не приближались и ничем помочь не могли – хладное железо не пропускало сложные чары даже снаружи, а более простые и грубые могли сработать как угодно, вплоть до рикошета в создателя. Но в нападении участвовали не только они, и вскоре теневика оглушили и скрутили.

Очнулся Хаггар-младший не то от холода, не то от ощущения сосущей пустоты внутри, там, где совсем недавно в такт стуку сердца пульсировала магическая сила. Чувство было жуткое – как будто его вдруг лишили то ли зрения, то ли осязания. Неприятные ощущения дополнительно усугубляла и тяжелая пульсирующая боль в затылке.

Некоторое время мужчина лежал неподвижно и мучительно пытался понять, кто он, где находится и что вообще

происходит. Ответ на первый вопрос пришел быстро, а вот другие два не спешили.

Маг медленно открыл глаза и обнаружил прямо над собой низкий – кажется, протяни руку и достанешь – темно-серый потолок. В непонятных пятнах и даже как будто подпалинах, он не то чтобы давил сверху, скорее, ехидно скалился. По пятнам и щербинам скакали нервные тени, и слабый колышущийся свет вкупе с этим самым потолком вызвал из памяти ассоциацию. Карцер в школе, вот на что это походило.

Хаггар медленно сел, морщась от боли и немоты в замерзших конечностях, потер ладони друг о друга, озираясь внимательней. Клетушка, в которой он сейчас находился, действительно почти не отличалась от той, где прошло много часов его юности. Разве что чуть больше: мужчина мог вытянуться на койке в полный рост. А еще здесь не было двери, только толстая решетка от пола до потолка, между прутьями которой он не сумел бы просунуть руку, не коснувшись металла. Не требовалось подходить ближе, чтобы понять, из какого материала они сделаны.

Тяжелые широкие тугие браслеты из того же хладного железа охватывали не только запястья арестанта, но и щиколотки. Кажется, именно из-за этих украшений он так замерз.

«Как меня, однако, боятся», – лениво подумал он, разглядывая тусклый серый металл.

Хладное железо имеет очень мало общего с собственно железом. Насколько Хаггар знал, основой-то служит именно

оно, но что еще добавляется в процессе изготовления и как вообще этот процесс протекает, знали единицы. Поговаривали, создают его сумеречные, а некоторые даже могут избегать его влияния, но это лишь слухи. А факт в том, что стоимость хладного железа никогда не опускалась ниже цены золота.

Существовало два сорта этого металла. Один – тот, из которого состояли наручники, – вызывал лишь легкий зуд и блокировал магию только при контакте с кожей. А второй – гремучее железо – оставлял на коже магов язвы, подобные химическим ожогам, которые заживали очень долго и трудно и не поддавались магическому лечению. Гремучее железо применялось чрезвычайно редко, стоило раза в четыре дороже своего побратима, но зато не позволяло магии существовать на некотором от него расстоянии.

Тут теневик наконец вспомнил события, предшествовавшие пробуждению, и зло скрипнул зубами, стиснув кулаки. Острые края браслетов впились в кожу и обожгли болью, но мужчина от застилающей глаза ярости не придал этому значения.

Один вопрос не давал ему покоя. Как? Как нападающие сумели пройти незамеченными, почему он не проснулся при нарушении защиты?

Или, скорее, кто и как сумел повлиять на него, притупив бдительность, потому что поверить в собственный провал без постороннего вмешательства маг не мог. Он ведь ждал

чего-то подобного, он готовился отражать атаку, но… магией, разорви их всех Незримый! А они сумели подойти в упор и нанести удар первыми.

Какое-то время Хаггар сидел неподвижно, терзаемый бессильной злостью и безосновательными предположениями. Но даже от них была польза, эти мысли и бурлящие эмоции отвлекали от черной жгучей пустоты внутри. За свою жизнь маг так привык к теплому ровному пульсу магии, что без него ощущал безнадежность и почти отчаяние.

Что происходит, он догадывался. Увы, сбывались самые худшие прогнозы Варона: бунт не просто не удалось задушить в зародыше, он стремительно набирал обороты и лесным пожаром распространялся по стране. А теперь вот, видимо, подкатился к самой столице. Слишком быстро, слишком велики оказались масштабы заговора, слишком нагло и уверенно действовали преступники.

Но злился маг не только на них, а в равной степени и на себя. Даже не на эту недавнюю стычку, в которой проиграл, а на собственное поведение раньше. На то, что не слушал умницу Варона, на то, что отмахивался от всех его предупреждений. Слишком увлекся магией и научными изысканиями, упивался своей силой и поисками могущества. Где они теперь, эти силы и возможности, не снившиеся ни одному магу? За решеткой из хладного железа.

– Здравствуй, Хаггар. – От прозвучавшего вдруг голоса маг вздрогнул, вскинул голову, нашел взглядом посетителя

и с удивлением понял, что тот ему неплохо знаком.

– Мастер Ассай? – хмурясь, спросил Верас-младший. – А вы-то что тут делаете?

– Мне разрешили тебя навестить. – Старший теневик выглядел мрачным, угрюмым, недовольным и каким-то потерянным. С последней встречи седины в его волосах существенно прибавилось, да и вообще мужчина несколько осунулся и заметно сдал.

– С какой целью? – криво ухмыльнулся Хаггар. Подниматься с койки, чтобы приветствовать гостя, не стал. Во-первых, не испытывал такого желания и не чувствовал себя особенно польщенным визитом, да и хозяином, если разбираться, он тут не был: так, временный квартирант на пару дней. Во-вторых же, стоять босыми ногами на каменном полу – сомнительное удовольствие, а тюремщики натянули на него только штаны и робу из грубого полотна, сэкономив на обуви.

– Сам не знаю! – Гасар Ассай почти отразил ухмылку собственного ученика. – Я все пытаюсь понять, как это получилось, как дошло до такого, неужели ты совсем нас не слышал?!

– Ну почему же, вы меня многому научили, – хмыкнул молодой маг в ответ. – Что происходит в стране?

– Боюсь, в стране все развивается по худшему сценарию. – Ассай еще больше нахмурился. – Это война. Гражданская война. До сих пор происходили отдельные мелкие стычки, но

вчера все вспыхнуло. Король переоценил свои силы, а владетели – напротив, его недооценили. Сейчас даже самые смелые пророки воздерживаются от предсказаний. Но дворец, где мы сейчас находимся, контролируют люди короля.

– И что в этой связи ждет меня?

– Смерть, – лаконично ответил его собеседник.

– Как наследника владетеля? – с пониманием уточнил Хаггар.

– Увы, нет, – с тяжелым вздохом ответил бывший наставник. – Твоего отца казнили за измену короне, а тебя ждет смерть за твои собственные преступления.

– Это за которые? – Младший теневик насмешливо и вопросительно изогнул брови.

– А их мало? – мрачно осведомился Ассай. – Ты со своими экспериментами убил не меньше десяти человек. Неужели ты думал, что за это не придется платить?

– Это были не люди, это были паразиты и мусор, отторгнутый обществом. Пара нищих, несколько мелких преступников, а в основном – приговоренные к смерти, которых я, между прочим, честно выкупил.

– К смерти, Хаггар, а не к пыткам.

– Не надо делать из меня садиста, никто из них не испытывал боли, – поморщился молодой маг. – Что бы про меня ни рассказывали, мучения людей не доставляют мне удовольствия.

– Возможно, – не стал настаивать Гасар, – но я говорил

не только о них и о ритуалах, а о твоих экспериментах с магией крови. На первый взгляд идеальное убийство: человек просто заболевает и через какое-то время тихонько умирает сам, потому что целители оказываются бессильны. Но любое воздействие всегда оставляет следы.

– Какие молодцы, вычислили меня, поймали, – с сарказмом протянул Хаггар. – Ты мне мораль пришел читать? А если я извинюсь и пообещаю так не делать, меня что, отпустят? Или ты надеялся своими увещеваниями заставить меня всерьез раскаяться и уйти в монастырь Светозарного, замаливать грехи? Нет, спасибо. Те ничтожества, от которых я избавил мир, этого недостойны. Вы пытались мне внушить, что все люди равны, все одинаково достойны жить. Это красивая сказка, не спорю, но, знаешь, логика подсказывает совсем другое. Нескромно говорить о себе, поэтому я приведу тебе один пример, пусть даже из жизни черни. Есть семья. Муж, жена и восемь детей от года до четырнадцати. С младшими возятся старшие, двое самых старших работают. Жена – прачка, чинит белье на дому, шьет и тащит на себе весь дом и всю семью. А муж пьет и бьет ее и детей – выпивает, засыпает, просыпается, с похмелья колотит, потом опять выпивает. Ты всерьез хочешь сказать, что эти двое одинаково достойные люди и они оба достойны одинакового отношения? Или ты думаешь, кто-то из этой семьи горевал о смерти папаши? Ты сам-то в это веришь, наставник? – Маг цинично ухмыльнулся.

– А чем так провинился Варун Дартар? Тем, что его жена спала с тобой, а он возражал? Беда не в том, что ты убил пару мерзавцев, а в том, что ты сам начал назначать виноватых, не вдаваясь в подробности, и совершенно заигрался в бога. Или ты скажешь, что в чем-то был виноват твой собственный ребенок?

– Какой еще ребенок? – мрачно спросил Верас.

– Нирана Артус, помнишь такую? Она пришла за помощью к нам, в Гнездо. Боялась тебя, и небеспочвенно. Но, знаешь, Воздающий все-таки наблюдает за людьми. Они выжили – и девочка, и ее сын, – и именно он после твоей казни унаследует и титул, и все остальное.

При этих словах Верас-младший – или, учитывая последнюю информацию, уже единственный, – сидевший до сих пор на койке, обхватив руками разведенные колени, прикрыл глаза и медленно опустил голову – не то в знак согласия, не то в задумчивости. На остальных убитых ему в самом деле было плевать, даже несмотря на то, что действительно не все из них являлись подлецами или преступниками, а кое-кого вовсе можно было назвать хорошим человеком. Но вот в этом случае…

Нет, он не вспоминал о той давней интрижке, ему не снилась в кошмарах решительная гордая брюнетка, да и нерожденного ребенка мужчина не жалел. Но где-то внутри с тех пор сидела заноза, которая в этот момент дала о себе знать. Не стыд, не раскаяние, но понимание – за некоторые поступ-

ки приходится платить, и вот это, похоже, один из них. Как только что правильно заметил Ассай, Воздающий – бог справедливости и правды, один из четверки верховных богов, действительно наблюдает за людьми и порой очень тщательно отслеживает такие вещи.

Кто знает, может, именно из-за той истории у Хаггара до сих пор не появился законный наследник? И он, и жена были абсолютно здоровы, ее наблюдал один из лучших целителей Кирмила, но… четыре выкидыша за три года, словно проклятие. И Верас с легкостью поверил бы именно в проклятие, не будь он сам теневым магом и не знай о проклятиях больше, чем все живущие.

– И все-таки чего ты от меня хочешь? Успокоить свою совесть? Дескать, сделал все, что мог? Уймись, наставник, моя репутация возникла не на пустом месте, но все подробности своих экспериментов и точное число их жертв я унесу с собой к Воздающему.

– Ты желаешь поговорить со жрецом? – бесстрастным тоном спросил Ассай после короткой паузы. Он и сам несколько раз успел задать себе вопрос о цели визита, но так и не нашел на него ответа.

Они действительно пытались изменить этого человека. Искренне старались наставить его на правильный путь, воспитать человечность и великодушие, но… доказательство их провала сидело сейчас по другую сторону решетки из хладного железа и спокойно смотрело на Гасара. Хаггар до сих

пор считал себя вправе вершить судьбы и распоряжаться чужими жизнями, и даже перед лицом смерти он не спешил каяться и сожалеть о своих поступках.

Впрочем, нет, кое о чем он явно сожалел: о том, что в конечном итоге попался.

– Поговорить с каким жрецом? – раздраженно спросил Верас.

– Это традиция, – пояснил Ассай. – Приговоренным дается шанс воззвать к кому-нибудь из богов и попросить о милости.

– О милости? – недоверчиво переспросил младший маг, а потом губы его вдруг скривились в ухмылке. – А что, можно и попросить, раз традиция. Пусть придет жрец Незримого.

– Ты уверен? – вопросительно вскинул брови озадаченный таким выбором наставник.

Взывали обычно к Светозарному, богу милостивому и способному принять раскаяние. К Плетущему, творящему судьбы, в надежде избежать смерти. К Воздающему, если чувствовали себя невиновными. Иногда приглашали кого-то из низших богов и богинь – в зависимости от личных религиозных предпочтений. А звать бога смерти, с которым и так встретишься через пару часов…

– Это логично, остальные боги далеко, а он где-то здесь. – Хаггар выразительно обвел взглядом комнату. – Вдруг да снизойдет к своей ближайшей жертве?

Гасар Ассай нахмурился. Душу кольнуло нехорошее пред-

чувствие, но внятно сформулировать его мужчина не смог и отогнал, памятуя о несостоятельности собственной интуиции. В самом деле, это уже отдает паранойей. Да, Хаггара Вераса боялись многие, и слухи о нем ходили самые жуткие, но даже с учетом их всех – что он может сделать, закованный в хладное железо, наглухо запертый в клетке?

– Как хочешь, – наконец кивнул он и развернулся, чтобы уйти.

– Погоди, наставник, – вдруг окликнул его приговоренный. – Ответь на один вопрос. Кто меня предал?

– Что ты имеешь в виду? – растерянно спросил Гасар.

– Я не проснулся, когда рухнула защита. Это не могло произойти случайно.

– А, это… Такие, как ты, зачастую не считают прислугу людьми и воспринимают их как мебель.

– И после этого вы требуете от меня признать чернь равной? – насмешливо протянул молодой владетель.

– Уважение и преданность, Хаггар, требуют взаимности. – Старший маг качнул головой. – Или хотя бы повода. Их надо заслужить. Какое право ты имеешь требовать преданности от людей, которых не считаешь за людей и вся милость твоя к которым заключается в честной оплате честно выполненной ими работы?

– Это, конечно, отличный повод ударить в спину, – брезгливо скривился Верас.

– Нет. А вот месть за убитого тобой друга – повод.

Некоторое время собеседники помолчали, но приговоренный не спешил задавать вопросы и оправдываться, а Гасар… Он очень многое хотел сказать. Встряхнуть мальчишку за шкирку, наорать на него, достучаться до совести. Он бы даже попробовал это сделать, если бы надеялся найти последнюю в этом человеке. Но ни совесть, ни жалость в нем так и не проснулись. Да, может, их и не было никогда?

Когда бывший наставник молча удалился, Хаггар даже не шелохнулся. Только прикрыл глаза, сосредоточился на дыхании и полностью ушел в себя. Он ждал и готовился не упустить свой шанс.

Те, кто запер его в эту клетку, знали, что Верас не только силен, но и искусен. Вот только даже они не подозревали, каких именно высот он сумел достичь в магии и какие области знаний затрагивал в своей работе. Кое-что в их головах просто не могло уместиться, это были вложенные с детства аксиомы и табу, а Хаггар не признавал никаких запретов.

До возвращения Гасара Ассая прошло около двух часов, а молодой маг ни разу не шевельнулся и открыл глаза только после того, как его окликнули по имени.

Служители Незримого, которых в народе побаивались и сторонились, редко покидали свои храмы, поэтому на доставку одного из них пришлось потратить больше времени, чем тюремщики рассчитывали. Да и в городе было неспокойно, что также доставило много тревожных минут. Если здесь, в королевском дворце с его подземельями, контроли-

руемом бунтовщиками, царила настороженная тишина, то за стенами вот уже второй день слышался грохот, раздавались взрывы, а небесным зарницам отвечали вспышки пламени на земле.

Окинув жреца взглядом, Хаггар едва удержался от удовлетворенной улыбки: Незримый *уже* ответил на его призыв. Одетый в светло-серую, как и полагалось его храму, плотную рубаху под горло с вышитой белым окружностью на груди и удобные темные штаны, служитель грозного бога был высок ростом, широк в плечах и крепок телом. На вид около пятидесяти пяти лет, основательный и серьезный, с собранными в низкий хвост темными волосами с проседью. В руке мужчина держал меховую накидку.

Молодой маг поднялся с койки и подошел вплотную к решетке. Даже лишенный магии, он ощущал исходящий от нее холод, сопровождающий гремучее железо, – тюремщики действительно не поскупились.

– Здравствуй, жрец, – тихо проговорил он, в упор глядя на посетителя.

Служитель молча склонил голову в ответ и так же молча шагнул ближе.

– Жрец, – настороженно окликнул Гасар, поймав того за локоть. – Не стоит…

– Не мешай мне выполнять мой долг, маг, – равнодушно отмахнулся жрец и стряхнул чужую руку.

Гасар по-прежнему не понимал, что именно его так тре-

вожит, но поминал недобрым словом короля, помешанного на старых традициях и решившего проявить благородство. Теневик, противореча собственным недавним мыслям и надеждам, жалел, что Вераса не прикончили спящим.

Последователь Незримого еще приблизился к решетке – так, что между ним и приговоренным оставалась пара ладоней пространства, разделенного хладным железом, – и тихо сказал, глядя тому в глаза:

– Ты звал, теневой маг, и я пришел.

Хаггар медленно наклонил голову в ответ.

В глазах служителей Светозарного светилась доброта и кротость, взгляды последователей Воздающего поражали мудростью, Плетущего – проницательностью и пониманием. Серые глаза этого жреца полнились безразличием и покорностью судьбе.

А дальнейшие события уложились в пару мгновений. Короткое стремительное движение, скрежет металла о металл – и приговоренный, одной рукой обхватив посетителя за шею и затылок, дернул его на себя, вжимая в прутья, а пальцы второй руки вцепились жрецу в горло. Тот не сопротивлялся: в нем не было страха и желания жить, все та же равнодушная покорность судьбе.

Рассерженной змеей зашипело и будто закашлялось от соприкосновения с кожей мага гремучее железо решетки, получившее свое название именно за этот звук. Пахнуло чем-то тошнотворно-кислым, смешанным с запахом паленой

плоти, но Хаггар, кажется, вовсе не замечал боли. Еще мгновение, и по его руке на грудь жреца хлынула алая кровь – приговоренный голой рукой вырвал жрецу горло. И отступил на шаг внутрь клетки, с удовлетворенным видом размазывая по браслетам теплую кровь.

Гасар Ассай очнулся только тогда, когда мертвое тело рухнуло на пол, дергаясь в агонии. Бессознательно он шагнул ближе, в ужасе глядя на своего ученика, невозмутимо присевшего на край кровати и возящегося с браслетами на ногах. Опустился перед жрецом на колени, удостоверился, что тот уже отправился на встречу с богами, и вскинул взгляд на Вераса, который в этот момент уже спокойно вытянулся на койке, будто собирался уснуть.

– Ты безумец, – наконец потрясенно проговорил теневик.

– Нет, наставник. Я гений.

Старший маг вздрогнул и опустил взгляд – голос звучал совсем рядом, не из-за решетки, – и не поверил самому себе, встретив полный шальной веселой злости взгляд карих глаз. Перед ним на полу, в луже крови, одетый в наряд мертвого жреца, лежал приговоренный.

– Как… – едва слышно выдохнул Гасар, но закончить вопрос и тем более услышать на него ответ не успел: короткий сильный удар отправил мага в темноту.

А Хаггар проворно поднялся, передернул плечами и слегка подпрыгнул на месте, оценивая удобство новой одежды. Ботинки оказались чуть великоваты, но это лучше, чем ес-

ли бы они были малы. Опустившись перед бывшим наставником на корточки, быстро проверил, не перестарался ли, вкладывая силу в удар, но старший теневик действительно не умер, только отключился. Наскоро обшарив его одежду и прихватив несколько полезных вещиц, Верас аккуратно промокнул ссадину на виске Ассая, полученную при падении, его же платком, сложил белую тряпицу и убрал в карман – такими полезными вещами, как кровь потенциального врага, не разбрасываются. После чего подхватил накидку жреца и двинулся к выходу.

Он чувствовал, как тело стремительным потоком, прорвавшим плотину, вновь наполняет сила, и это чувство пьянило. Хотелось беспричинно смеяться, хотелось разнести до основания эту тюрьму, но Хаггар не стал поддаваться эмоциям, он целенаправленно двигался к выходу. Пусть прежний, привычный и понятный мир рухнул, но сам маг жив, а значит, ничего еще не закончилось. Владетель Верас не собирался просто так сдаваться забывшему свое место королю, возжелавшему вдруг реальной власти, и горстке черни с невесть зачем примкнувшими к ним магами.

Благодаря своим экспериментам теневик выяснил среди прочего способ временно прекратить действие хладного железа. Кровь. Теплая еще жертвенная кровь. Можно было бы воспользоваться своей собственной, но зачем, если ему так удачно предложили прекрасный объект? Да еще посвященный жрец, напитанный силой своего бога!

При телепортации тоже проще поменяться местами с каким-нибудь материальным предметом на расстоянии прямой видимости, чем перенестись на большое расстояние. Кроме того, Хаггар разумно опасался, что дворец окажется защищен от таких перемещений. Да и от браслетов стоило избавиться, пока кровь не свернулась. Конечно, этот фокус со сменой одежды существенно осложнял примененные чары, но оно того стоило.

А что за спасение придется расплачиваться с Незримым… не впервой. Вряд ли могучий кредитор потребует чего-то такого, с чем Хаггар не сможет расстаться. Жизнь с сегодняшнего дня и так всецело принадлежит суровому богу, сила смертного ему без надобности, а больше у теневого мага ничего не осталось. Сегодня же отблагодарит его парой свежих ритуальных трупов.

Увы, бунтовщики не могли знать, что Вераса связывает с Незримым давнее знакомство, иначе им и в голову не пришло бы приглашать сюда жреца – прямого проводника божественной воли. Жестокое божество давно уже заинтересовалось столь необычным и перспективным смертным и, когда наставники пытались привить ученику доброту и сострадание, сделало горячему юнцу гораздо более интересное предложение: знания в обмен на жертвы. И тот согласился не раздумывая. Знания Хаггар всегда ценил превыше всего, и именно в этом состояла главная проблема окружающих. Он не желал отвлекаться от изучения сугубо полезных и прак-

тичных вещей на мелочи вроде морали и человеческих законов, а учителям просто не пришло в голову, что работать надо именно в этом направлении. И большинство людей, погибших от рук теневика, сделали это на алтаре бога смерти.

Эмоции… Их почти не осталось. Отупение и холод где-то внутри – навязчивый, липкий, разъедающий душу. Лишь иногда, в такт вспышкам сознания и выплывающим из глубины воспоминаниям, они слабыми разноцветными отсветами, тревожными и болезненными, озаряли пустоту. Такими, каких лучше бы не было вовсе.

Чаще всего *Его* посещала серая, как окружающее безмолвие, тоска, именно она задавала тон. Всеобъемлющая, глубокая, неизбывная тоска о чем-то, чего никогда не было. О чем-то упущенном, об ошибках, которые нельзя исправить, о днях и людях, которые ушли навсегда.

Но тоска не мешала двигаться вперед, терпеть ее было просто. Иногда же вместо нее приходило зеленовато-коричневое отвращение, густо замешенное на льдисто-голубой ненависти. Отвращение ко всему и сразу, начиная с окружающего Ничто и заканчивая *Его* собственной сущностью. Оно запускало когти в сердце, и в такие моменты почти нестерпимо хотелось остановиться и прекратить все, включая собственное существование. Подобному желанию противостояло только упрямство и что-то еще, чего *Он* не понимал.

Может, душа, не желающая потеряться в Междумирье и

обречь себя на вечные скитания?

Или то, что наблюдало извне, осторожно и незаметно подталкивало в спину, не позволяя не то чтобы отчаяться – скорее, не позволяя сбежать, растворившись в этой ненависти, но заставляя прочувствовать ее до конца. Осознать собственное перед ней бессилие и беспомощность.

Порой вспыхивали и другие чувства, но они гасли стремительно и зачастую даже не позволяли себя осознать. Грязно-розовое презрение, тускло-зеленая зависть, холодный фиолетовый стыд.

И лишь совсем редко в этой палитре попадались чистые, яркие тона: солнечно-желтое веселье, насыщенное индиго удовлетворения, теплая травянистая зелень понимания и осознания. Но… лучше бы их тоже не было, потому что когда они гасли, окружающая пустота казалась еще глубже, а каждый новый шаг давался еще тяжелее.

1400 год от Великого Раскола, первый месяц весны

Рубер

Хаггар ел. Не чувствуя вкуса и почти не жуя, заглатывал однородную тепловатую густую зеленовато-серую неаппетитную массу с порой попадающимися совсем уж малоприятными беловатыми волокнами – то, что носило название «каша с мясом». Если бы кто-то предложил магу это питательное, но далеко не самое изысканное блюдо пару лет назад, тарелка бы оказалась на голове шутника, вероятно при-

правленная какими-то чарами.

А сейчас Хаггар ел, и плевать он хотел на вкус, цвет и консистенцию еды. Возможность хоть ненадолго почувствовать себя сытым стоила любых компромиссов.

Голод преследовал мужчину неотвязно уже настолько давно, что стал привычным. Теневик очень смутно помнил, каково это – хотя бы несколько часов кряду не испытывать это ощущение. Чтобы от него избавиться, следовало хоть немного отойти от грани магического истощения, но такой возможности маг не имел – война высасывала силы, как целая стая жирных энергетических пиявок.

Война. Полтора года назад никто и не думал произносить это слово. Для кого-то – бунт, для кого-то – восстановление исторической справедливости. Понимал ли тогда хоть кто-то, во что все это выльется? Кто-то понимал, но Хаггар не относился к их числу. Мужчина полагал, что со всеми проблемами удастся справиться быстро, за пару недель, и реальное положение вещей оказалось неприятным сюрпризом.

То, что начиналось как противостояние монархистов и аристократов, превратилось в штормовое безумие, быстро захлестнувшее всю страну, и движущих сил у этого урагана оказалось существенно больше двух. Как это часто происходит в смутные времена, бурный грязный поток вынес на поверхность все, что до поры скрывала гладкая вода. Высунулись из темных нор запрещенные культы, поползли из всех щелей фанатики, вытаскивая за собой забытые обы-

чаи. Вдруг откуда-то возникли толпы обиженных, решивших предъявить свои счета и радеющих за совсем уж непонятные цели. Чаще всего это на поверку оказывались обычные бандиты, но даже среди них порой встречались сильные маги. Совсем недавно казавшийся благополучным Рубер вспыхнул от края до края, и удивительно, как до сих пор не начало жечь пятки богам.

А соседи неожиданно вместо того, чтобы под шумок урвать по куску спорных, а то и исконно руберских территорий, вдруг оказались втянуты в творящееся безумие. Подобно чуме или эпидемии бешенства ропот и недовольство расползались в стороны, не признавая государственных границ, и все больше и больше земель орошала кровью братоубийственная война.

Но Хаггар давно уже перестал интересоваться общей ситуацией в стране и за ее пределами. Поначалу еще пытался принимать участие в обсуждении стратегии, но быстро признал, что совершенно бездарен в этой области. Маг, исследователь, естествоиспытатель – да, но не полководец. Впрочем, сейчас от него осталось только первое. На науку, на то, что было для него важнее всего, без чего он не мог себя представить, не оставалось ни времени, ни сил. Диверсионные и силовые атаки – непрерывный бой, переходящий в подготовку к следующему.

Верас не смог бы вспомнить названий тех городков, деревень и невысоких местных вершин, где ему доводилось

применять силу, они слились в единую однообразную серую массу. Умом мужчина еще помнил, за что начинал сражаться и чего хотел, но внутри поселилось равнодушное отупение. Он ощущал себя машиной, очень умным и опасным артефактом, послушным воле хозяина, а нынешние его хозяева… Кажется, они сами его боялись и полагали, что Хаггар рехнулся. Во время войны ли, во время побега из тюрьмы или, может, еще раньше, но мало кто не считал его опасным безумцем. Опасным, но до поры полезным.

Самого теневика подобное положение вещей устраивало. Он не желал никому ничего доказывать, и главное, что никто не пытался залезть в его душу и полечить ее. Бывший владетель Верас – потому что сейчас владеть было особенно нечем – точно знал, что находится в своем уме, а безразличием и отупляющей усталостью он пытался заглушить те чувства, что болезненным нарывом зрели внутри.

Да, он не любил людей, презирал основную массу своих сородичей и не ценил отдельно взятую жизнь, если только она не принадлежала ему самому или кому-то из малого числа уважаемых им субъектов. Но *вот такого* он не хотел никогда в своей жизни. В самом начале он еще искренне желал смерти горстке предводителей бунтовщиков с королем во главе и старался добиться этого, теперь же просто перестал понимать – а против кого он, собственно, воюет? Да что там он, знают ли ответ на этот вопрос те, кто принимает решения? Жив ли вообще король?

Там, в глубине себя, за стеной отчуждения, маг точно знал, кто именно умело раздувает пламя, почему и какими силами. И вот это казалось куда хуже и страшнее безумия, пусть даже оно в самом деле сожрет его разум и душу. Стесняться и стыдиться Хаггар попросту не умел, не тот склад характера. Но с другой стороны, назвать стыдом то чувство, которое поднималось в душе мужчины при размышлениях на эту тему, значило приравнять таз воды к океану или детские куличики в песочнице – к Ничейным горам.

Ужас. Обреченный, всепоглощающий ужас. Не животный, нет – животные не способны испытывать такой страх. Не звериная неконтролируемая паника, вызывающая стремление бежать не разбирая дороги, а холодное обреченное сознание, что именно он, именно его заигрывание с запретным поставило мир на грань катастрофы. Был ли он один такой или дураков нашлось несколько, маг не знал, да и не хотел об этом думать.

Хаггар очень не любил бояться и старательно отгораживался от страха спасительным равнодушием.

Безвластие, ожесточенные злые лица, война каждого с каждым, кровь, обильно смазывающая колеса хаоса, и смерти, много смертей – богатая жатва, которую собирал своевременно заронивший в землю семена раздора Незримый. А силы для этого, благоприятный климат всходам дал именно жаждущий знаний и силы теневик.

Любого бога питают молитвы паствы, ритуалы и жерт-

вы. Кто-то в качестве них берет воздержание от удовольствий, кто-то – цветы и свежее молоко, кто-то просит жизни жертвенных животных. Последними вот уже несколько веков приходилось ограничиваться Незримому, но бог смерти помнил, какова на вкус человеческая кровь, и жаждал, как и король Рубера, возвращения прежних времен. Хаггар же и ему подобные в своей спеси и честолюбии помогли божеству получить желаемое.

Конечно, не стоило решительно все валить на Незримого. Не грозный бог отдавал приказы, не он плел смертоносные чары, не он развязал братоубийственную войну. И первое время теневой маг еще мог убеждать себя этими словами и спасаться за ними от осознания своей вины, но с каждым днем, с каждым боем, с каждым примененным разрушительным заклинанием все менее надежным становилось это убежище. И тогда появилась стена отчуждения и безразличия, отгородившая его от страха, чувства вины и остального мира.

Покончив с едой, мужчина отнес посуду к полевой кухне, возле которой сейчас никого не было, и вышел из темного чрева шатра наружу. Мороз мелкими и пока совсем не грозными иголочками пощекотал нос, лизнул щеки шершавым языком. Он пока преданно вилял хвостом и заглядывал в глаза, но к вечеру окрепнет и вот тогда уже покажет зубы.

Трое суток бушевала метель, но к утру наконец угомонилась. Сейчас небо казалось тонким-тонким, почти белым, и

через эту кисею норовило проглянуть солнце, предупреждая о надвигающихся холодах.

Уже начало весны, но весной пока даже не пахло. Природа, кажется, злилась на людей за их неутихающую склоку или вовсе подхватила от них бешенство, но с начала войны погода как обезумела. Вправду гневались низшие боги, отвечающие за подобные вещи, или неуемная человеческая волшба сказывалась на окружающем мире, но земля и небо будто сговорились извести людей. То засухи, то разрушительные ливни, то морозы в конце весны, то среди зимы оттепель, после которой мир сковывал все тот же безжалостный холод, заставляющий трещать от боли кору деревьев. Впрочем, смутно верилось, что боги таким образом пытаются призвать смертных к порядку: неурожай с последовавшим за ним голодом и эпидемиями никак не способствовали наведению порядка. Скорее, верилось, что на людей ополчились разом все небожители и решили как следует проредить поголовье.

Прикрыв глаза, Хаггар шумно втянул носом морозный воздух, поплотнее запахнул тяжелое пальто из грубой, колючей, но очень теплой шерсти. На холоде в голове несколько прояснилось, а от проглоченной каши в потяжелевшем желудке на полчаса, или даже чуть больше, присмирел голод. Мужчина понял, что чувствует себя достаточно неплохо для того, чтобы сделать еще одно важное дело, в последнюю неделю превратившееся в обязанность.

В полевом лагере царила деловитая суета. Идущего те-

невика замечали издалека и старательно огибали, суеверно творя охранные знамения, а он сам уже давно не обращал внимания на чужой страх. Здесь и сейчас высокородные аристократы почти не отличались от простых воинов, смешивались с ними в единый организм: война умерила спесь и показала, насколько мала разница между людьми разных сословий. Может, осознав это, командиры согласились бы пойти на мировую, только мириться, кажется, было уже не с кем.

Лазарет располагался на краю лагеря – и пациентам тише, и здоровым меньше напоминаний о бренности бытия. В большую низкую палатку Хаггар нырнул как в ледяную воду – затаив дыхание и подобравшись в ожидании хлесткого удара.

Внутри было тепло, почти жарко, и душно, так что маг распахнул верхнюю одежду. Пахло теплой кровью, травами, болезнью, смертью и магией – сложный букет, отдающий безнадежностью. Света вполне хватало, чтобы оглядеться и найти взглядом заправлявшего здесь целителя. Тот почувствовал пристальное внимание, отвлекся от своего занятия – маг сортировал зелья и ингредиенты, – заметил неподвижно замершего у входа теневика. Поймал вопросительный взгляд, едва заметно качнул головой и опустил глаза.

Хаггар на мгновение стиснул зубы и кулаки, глубоко вздохнул в попытке взять себя в руки. Сосредоточенно погрузился в воспоминания, пытаясь выудить из недр памяти что-то безусловно светлое, вроде детских воспоминаний

и сада возле родового поместья. Постарался надеть на лицо выражение, отличное от равнодушия.

Стоило выйти из привычного отстраненного состояния, потерять концентрацию на нем, и на языке почудилась горечь, а все тщательно скрываемые от самого себя мысли радостно зашевелились, как стервятники, почуявшие падаль.

Ободряющей улыбки не получилось. Но, по крайней мере, равнодушие временно кануло в недра души и Хаггар стал похож на нормального человека. Висевшее сбоку при входе небольшое зеркало отразило перемену, мужчина поморщился и двинулся вглубь душного помещения, в самый дальний угол, стараясь ступать тихо и не тревожить людей, лежащих на койках.

– Привет, – тихо проговорил он, нырнув за занавеску, отделявшую одного пациента от всех остальных. Он знал, что ее повесили для защиты этого человека от губительного, слишком яркого света, но все равно этот закуток устойчиво ассоциировался у него с одиночной камерой. С карцером.

Лежащий на койке мужчина не походил на живого. Скелет, обтянутый посеревшей, покрытой язвами и струпьями кожей. Короткие, совершенно седые волосы почти терялись на фоне белой подушки, и только голубые глаза, яркие, живые, пугали контрастом. Вряд ли кто-то в этой живой мумии сумел бы опознать молодого круглолицего хранителя Варона Присса.

– Как ты? – шепотом спросил Хаггар, сел на табурет у из-

головья койки.

– Хорошо, – едва слышно прошелестел пациент, медленно прикрыл глаза, потом так же медленно, с трудом открыл. – Недолго осталось. Сегодня, самое позднее – завтра.

Теневик не стал говорить лживых слов утешения, не стал ободрять заверениями, что все обойдется, оба знали, что это не так. Не обойдется. В отсутствие Хаггара на этом самом стуле сидел сам Незримый и молча разглядывал умирающего, ожидая, когда тот уже не сумеет открыть глаза.

Магия целителей может многое, но против проклятий она бессильна. Владетель Верас прекрасно разбирался в проклятиях и в этот момент ненавидел свои знания. Есть чары, которые нельзя отменить. Просто нельзя, такое не под силу даже богам, поэтому он не мог дать другу даже призрачную надежду на лекарство, которое ищет и сумеет найти. Нет такого лекарства, Хаггар точно это знал. Он сам лет десять назад составил чары, случайно зацепившие несколько дней назад «штабную крысу» Варона. Да, не единственное и далеко не самое страшное необратимое проклятие из существующих, но почему-то теневику в этой ситуации чудилась рука Воздающего.

Приложил ли справедливый бог свою руку в самом деле? Вряд ли. Если бы остальные старшие боги интересовались происходящим сейчас на земле, они непременно постарались бы остановить то безумие, в которое неотвратимо погружались смертные.

Но тем не менее хранитель Присс умирал.

– Хорошо, что ты успел зайти, – почти беззвучно шевельнулись истончившиеся бескровные губы. – Спасибо. Посидишь?

Хаггар только кивнул и очень осторожно сжал тонкую костистую ладонь, кажущуюся пугающе хрупкой. Сухие пальцы едва заметно дрогнули, обозначая ответное пожатие, но сил на него не хватило. Варон вновь прикрыл глаза – не то задремал, не то пытался собраться с мыслями.

– Целитель молодец, обезболивает хорошо. Остается только слабость и скука.

– Один из лучших во всем мире, – тихо подтвердил Хар. Проклятому причинял боль не только яркий свет, но и резкие звуки, и даже запахи, поэтому в его закутке царила сумрачная тишина, едва уловимо пахнущая хвоей – этот запах успокаивал.

– Как наши успехи? – Друг вновь открыл глаза и внимательно уставился на мага.

– Хорошо, – не моргнув глазом солгал тот. – Господа военачальники осторожничают, но рожи у них довольные.

– Хорошо, – эхом повторил Варон и слабо улыбнулся уголками губ. В самом деле верил? Или так ему было проще умирать? Не исключено, что действительно верил другу на слово, прежде тот никогда его не обманывал. Вот даже не стал обнадеживать, что сумеет помочь и снять чары… – А ты как?

– Да что со мной будет, – поморщился теневик. – Устал

только, но это все ерунда. Хочешь, расскажу что-нибудь?

– А ты не спешишь?

– Нет, мне сегодня дали отдохнуть, – вновь соврал маг. Он только вернулся, и было у него всего шесть часов на сон, но… выспаться он успеет на том свете.

– Тогда давай что-нибудь жизнеутверждающее, про счастливое посмертие, – усмехнулся Варон, и Хаггар, собравшись с мыслями, принялся травить байки. Он не был хорошим рассказчиком и не тянул на менестреля харизмой, но зато обладал отменной памятью, в которой, помимо магических формул, жили проглоченные между экспериментами легенды, сказания, да и просто выдуманные истории. А больного сейчас, пожалуй, меньше всего интересовала плавность, чистота и выразительность речи. Гораздо важнее, что рядом чувствовалось живое тепло, а неподвижную тишину нарушал размеренный хрипловатый голос. У Варона остался всего один страх – смерть в одиночестве, когда последний вздох примут пустые равнодушные занавесы, отделяющие обреченного от тех, кто еще сохранял шанс выжить.

Маг говорил и говорил, а по языку растекался привкус горечи. Пустота внутри ширилась, больно давила на ребра и тихо удовлетворенно приговаривала, не скрывая издевки: «Ну вот и все, владетель Хаггар Верас. Вот ты и остался совсем один, маг. Больше никто не потревожит, никто не сунется под руку во время опасного эксперимента. Так где твоя радость, о гениальнейший из живущих, сильнейший из тем-

ных и темнейший из одаренных?»

И мужчине оставалось только, скрипя зубами, признать правоту этого голоса. Сейчас на его глазах умирало последнее, что осталось от прежней жизни. Никто не отнимал у него способности, никто не отнимал знания и чары, никто не претендовал на могущество. А пустота все ширилась и давила все больнее. И сознание собственной силы совсем не радовало и даже ни на секунду не утешало.

Умирал его друг. Единственный друг. А он со всеми своими невообразимыми талантами и мощью мог только сидеть рядом, рассказывать сказки и держать в пальцах хрупкую сухую ладонь, уже неспособную согреться, боясь сломать ее неосторожным движением.

Он до сих пор не мог поверить, что осторожный и предусмотрительный Варон Присс так неудачно подставился, попал под глупое шальное заклинание, за несколько дней истаял до скелета и вот-вот отдаст душу на суд Воздающего. Пару лет назад он умудрился сунуть нос в гнездо заговорщиков. Именно он предупредил в свое время владетелей, и именно он помог подготовиться к подавлению восстания. Да, сам Хар не принимал предупреждений всерьез, но, к счастью, нашлись те, кто принял. Варон всегда предусматривал все на несколько ходов вперед – но случайность предвидеть не смог.

Хаггар говорил долго, до тех пор, покуда не почувствовал, что единственный слушатель уснул, и некоторое время по-

сле, заканчивая историю. Потом еще долго сидел, слепо таращась в темную тряпичную стену. Он ощущал себя невообразимо старым, даже древним, как Ничейные горы. И все вертелся в его голове один-единственный вопрос: «Зачем?»

Зачем все? Было раньше, есть сейчас; какая у всего этого цель? У жизни, у смерти, у всего.

Наконец он в раздражении тряхнул головой, пытаясь отогнать пустые бесплодные мысли, и решительно поднялся с места. Следовало в самом деле вздремнуть пару часов, но для начала…

– Как обстоят дела с накопителями? – тихо спросил он все того же целителя.

– Как обычно, – тот пожал плечами, – полно пустых, их вечно не хватает.

– Давайте заполню сколько-нибудь, – предложил теневик. Хотел замахнуться на все, но потом здраво оценил собственные возможности.

– Вам самому пара накопителей не помешала бы, – укорил его светлый.

– Посплю, все восстановится, – отмахнулся Хаггар.

Целитель смерил коллегу взглядом, с укором покачал головой, но спорить не стал. Во-первых, он полагал, что все не лежащие на койках в лазарете люди по умолчанию разумны и самостоятельны и навязывать им свое мнение глупо. А во-вторых, он знал, с кем разговаривает, и спорить с непредсказуемым магом не желал. Да и кто знает, на что этот че-

ловек способен? Он ведь умудряется почти каждый день заходить сюда и делиться силой, так, может, для него это действительно мелочи?

Обычно зарядкой магических накопителей, которые использовались при операциях и уходе за ранеными, занимались молодые недоучки, прибившиеся к лагерю и заодно помогавшие по кухне да бегавшие с поручениями, но их сил не хватало. Одно утешение – молодые восстанавливаются быстро. Конечно, и сами целители участвовали в сборе энергии по мере возможности, и даже маги остальных направлений порой заглядывали и делились, чем могли, но… Лишних накопителей не бывает.

Целитель не считал Вераса сумасшедшим и готов был подтвердить это профессиональное мнение любому желающему, да и особенно чудовищным не считал тоже. Эксцентричным, нелюдимым – да. За долгие годы практики немолодой целитель насмотрелся всяких людей: и пациентов, и тех, кто их окружал. И зачастую куда большими чудовищами, чем угрюмый теневик, выступали на вид совершенно приличные родственники пациентов. А этот… Всерьез называть бездушным монстром того, кто часами просиживал у постели умирающего друга, маг не мог. Он допускал, что многого не знает и у каждого есть разные грани характера, но также он оставлял за собой право на личное предвзятое мнение и даже личное заблуждение в таких вопросах.

Наблюдал целитель в процессе работы коллеги не за кри-

сталлами – сомнительно, что профессионал способен их испортить, – а за самим теневиком. Просто на всякий случай, чтобы успеть поддержать или остановить, если вдруг что.

Впрочем, бдительность оказалась излишней. Хотя Верас к концу процедуры заметно побледнел против прежнего, но явно здраво оценил свои силы и не попытался зачерпнуть больше, чем имел, – несколько пустых камней так и остались лежать сиротливой кучкой.

Угрюмый владетель распрощался и вышел, как будто слегка пошатываясь. Светлый проводил его взглядом и в очередной раз задумчиво покачал головой. Предвидение не являлось его сильной стороной, но сейчас вдруг мужчина очень отчетливо ощутил: для теневика все ужасы еще только начинаются, война не самый страшный эпизод его жизни. Но предупреждать Вераса маг не стал. Если бы он мог сказать что-то конкретное, тогда – да; а зачем лишний раз отравлять жизнь и без того не самому счастливому человеку?

А хранитель Варон Присс, последний из своего рода, умер через три часа после этого визита. Незримый оказался милостив к несчастному и забрал его во сне.

Страх был странный. Он не поднимался изнутри, не рождался глубоко в сердце и не заставлял его глухо стучать в горле. Напротив, он приходил снаружи, извне. Сжимал голову холодным обручем, стискивал горло, хватал за руки и тяжелыми кандалами повисал на ногах, мешая двигаться. Он

напоминал ворох сырых ветхих тряпок: вроде бы и поддавался, уступая воле, но клочьями упрямо лип к коже и одежде и терпеливо ждал малейшей слабины или ошибки, чтобы спеленать и задушить своей хваткой.

Страх грыз ребра и пытался добраться до сердца, но вцепиться в горло пока не рисковал. Сидел на плече и тихонько нашептывал: «Ты не сможешь отсюда выйти. Ты смертный, ты обречен. Не стоило соваться туда, где живому нет места: живое к живому, а мертвое – к мертвому. Ты тоже почти уже мертв. Стоит ли так цепляться за жизнь? Разве есть в ней что-то стоящее, разве она тебе нужна? Ведь дальше будет только хуже…»

Он, не отвечая, шел вперед и старался не слушать подлый шепоток. Страх умеет быть убедительным, и лучший способ борьбы с ним – сделать вид, что его нет. Единственный доступный сейчас способ.

А внутри страха не было. Кому нечего терять – тому и бояться нечего.

1400 год от Великого Раскола, первый месяц осени

Кирмил, столица Рубера

Осень – время урожая. Время пожинать плоды того, что брошено в землю весной.

«Посеешь ветер – пожнешь бурю», – гласит пословица, и прошлый год полностью подтвердил старое изречение. А в этом… В этом году ветви плодовых деревьев клонились к

земле под тяжестью своих детей, а колосья стояли жирные, тугие, будто отлитые из полновесного золота. В этом году боги оказались милостивы к своим непутевым детям, и у едва начавших оправляться от потрясений людей появилась надежда пережить будущую зиму.

Еще весной мало кто всерьез мог поверить, что война закончится. Казалось, это моровое поветрие не успокоится, не разрушив все города и не втоптав в грязь всех живущих, но…

Сейчас о порядке тоже только мечталось, но он уже не казался недостижимым. Еще бесчинствовали в иных городах банды, еще боялись люди выходить на улицу не только ночью, а даже днем, но уже появилась власть. Та, что кропотливо собирала в свои руки все ниточки и подобно хорошей хозяйке, вселившейся в новый дом, тщательно и систематически выметала и выскребала из всех углов пыль, грязь и оставшиеся от прошлых жильцов воспоминания.

Столица оправлялась быстрее всех. Она уже начинала потихоньку походить на себя прежнюю. На некоторых улицах ночью опять загорались фонари, появились дворники, пекарни начали дышать на прохожих свежей сладкой сдобой, и прохожие эти, закрывая глаза, вдруг представляли, что вернулись в прошлое. Сытое, тихое, стабильное прошлое.

Уже давали балы, уже рассылались приглашения на званые ужины и обеды. Во многих таких приглашениях стояли новые имена, да и вечера отличались сдержанностью и

скромностью. Очень редкая дама рисковала достать из надежного тайника фамильные драгоценности: кто-то не хотел привлекать к себе излишнего внимания, а кто-то боялся столкновения с прежними хозяевами ценностей.

Но все равно столица оживала. Чинила крыши, стены, окна. Выметала остатки разрушенных зданий и размечала участки под новые. Мостила дыры в брусчатке, ровняла ямы, латала и гримировала свои многочисленные шрамы.

А главное, в королевском дворце появился король. И казалось, при мысли об этом город блаженно жмурится и испытывает ни с чем не сравнимое блаженство. Потому что в королевском дворце *должен* жить король. Потому что на Золотой улице *должны* сверкать витринами лавки ювелиров. Потому что в квартале кружевниц *должны* мелькать в умелых тонких руках коклюшки, создавая неповторимо изящный узор. Потому, наконец, что в квартале строителей *должна* кипеть круглые сутки работа, рождая кирпичи разных цветов и изящную черепицу и создавая красочные проекты новых домов; а не сидеть там пара угрюмых стариков-граверов, высекающих надписи на могильных камнях.

Впрочем, пока дворец оглушал всех входящих звенящей тишиной и поражал взгляды пустотой. Королю было не до украшения собственного жилища и не до покупки мебели, а привозить в столицу королеву, в чьи обязанности как раз входило подобное, он пока не спешил. Вместе с наследниками королева укрывалась в убежище на краю обитаемых зе-

мель, и расположение этого места знали всего несколько особенно доверенных магов.

Почти все они, а также генералы, министры и некоторые другие заинтересованные лица собрались сейчас в королевском кабинете, чтобы обсудить текущие проблемы страны. Среди них особенно выделялись трое жрецов старших богов, которые держались особняком и не участвовали в большинстве обсуждений. Впрочем, вопросов относительно причин их присутствия никто не задавал, а вскоре очередь дошла и до них.

– Я прошу прощения у досточтимых жрецов, что пришлось ждать. Есть ли новости?

– Боги благоволят нам. – Обменявшись взглядом с «коллегами», служитель Светозарного склонил голову. – А очистительное пламя делает свое дело. Незримый ослаб и не скоро уже оправится от этого поражения. Что же до выявленных его главных последователей, список которых вы, ваше величество, видели, то многие уже предстали перед судом Воздающего. Лишь несколько пока избегают пламени. – Жрец деловито и буднично достал из лежащей на столе папки короткий список и по рукам передал королю. Каждый, к кому попадал заветный листок бумаги, пробегал взглядом короткий перечень имен и хмурился или качал головой.

– Но позвольте, – заметил главнокомандующий армией, оказавшийся последним звеном в этой цепи, он сидел по правую руку от короля. – Хаггар Верас погиб в бою под Та-

леро, уже больше месяца о нем ничего не слышно!

– Предсказания на его счет туманны, – нехотя отозвался жрец Светозарного.

– Проще говоря, на божественный суд он не попал, а где его носит – им неведомо, – поморщившись, недовольно проговорил Савас Ойшар. Самые сильные боевые маги Гнезда, приносившие в свое время присягу королю, поддержали его в борьбе с зарвавшейся аристократией, и бывший декан Светлого факультета оказался среди них в первом ряду. – В любом случае лично я, пока не увижу тело, в его смерть не поверю, и можете считать меня параноиком.

– Как может подобное быть неведомо богам? – недовольно спросил один из министров.

– Когда речь идет о Выродке, ничего нельзя знать наверняка, – задумчиво заметил король, разглядывая дошедший до него листок. – Мне порой казалось, что он и Незримый – вообще одно лицо, потому что обычный человек на такое не способен. Впрочем, довольно о нем, раз нет никакой достоверной информации. Уважаемых жрецов я главным образом хотел видеть по другому, гораздо более приятному поводу. Грядет праздник осеннего перелома года, и мне бы хотелось услышать ваши соображения по этому поводу. В частности, как лучше вычеркнуть Незримого из традиционного празднества.

Запрет культа грозного бога смерти простой народ воспринял не то чтобы радостно, но спокойно и даже с некото-

рым облегчением. Незримого боялись и скорее задабривали, чем почитали, поэтому выступление остальных старших богов против брата лишь избавило людей от дополнительной неприятной обязанности.

Некоторые наиболее осторожные и консервативные, особенно в глухих деревнях, продолжали орошать домашние идолы кровью убитых животных, и с такими жрецы вели просветительские беседы, мягко и настойчиво подталкивая на верный путь. А вот жрецов и ярых поклонников бога смерти не жалели, их неизменно ждало очистительное пламя. Такую смерть для них избрали по простой причине: умирая в огне, они не могли стать жертвами все тому же Незримому, а множить силы бога-отступника никто не собирался.

Как именно получилось то, что получилось, и как старшие боги решали между собой разногласия, широкая общественность не знала, но слова жрецов прекрасно согласовывались с тем, что люди видели своими глазами. И потому верили. Незримый восстал, возжелал уничтожить братьев и воцариться среди смертных единолично, и кое-кто из верхушки аристократии и магического сообщества поддержал его в этом начинании. Остальные боги разгневались на предавших их людей, но потом добрый король вымолил прощение и помощь, те покарали отступников и поддержали законного правителя, который тут же начал наводить порядок. Сказка получилась красивая, а несколько ушлых менестрелей сочинили сразу добрый десяток песен с похожими сюжетами,

которые пришлись ко двору балаганам и в конечном итоге очень быстро завоевали всенародную любовь.

А с чего все началось на самом деле… да какая разница! Главное, что закончилось, и добрый король каленым железом выжигает заразу, избавляя народ не только от жрецов проклятого бога, но и от обыкновенных бандитов. Пожалуй, пройдет еще пара лет, и в сознании обывателей последние две категории переплетутся так тесно, что отделить одно от другого не сумеет уже никто.

1400 год от Великого Раскола, первый месяц осени

Ничейные горы, побережье Серого моря

Беспокоились власти Рубера не напрасно: тот, кого во время войны – во многом, правда, за довоенные преступления – назвали Выродком, действительно выжил. Единственный выжил в том котле грамотно расставленной ловушки, который получил название «бой под Талеро». Или скорее бойня.

Если бы маг хоть когда-то верил в чудеса, он посчитал бы это именно чудом, а так… Просто Хаггар Верас оказался чрезвычайно живучим и талантливым типом, за считаные секунды сумевшим найти брешь в ловчей сети, не позволявшей открывать порталы.

А вот тот факт, что он выжил *после* этого, стоило частью списать на беспрецедентное упрямство самого теневика и частью – на хорошую наследственность, наградившую мага

отменным здоровьем. Истощенный магически до дыр в энергетической оболочке, израненный, потерявший много крови, он очнулся на пустынном диком берегу, откуда добраться до ближайшего жилья можно было недели за три.

Место это ему показал один из приятелей, чье имя Хаггар с трудом вспомнил, но вспомнил добрым словом. В далекие годы учебы они порой собирались здесь на дружеские гулянки: в конце лета Серое море прогревалось достаточно, чтобы купаться в нем было в удовольствие, крохотный, зажатый в скалах песчаный пляж отлично подходил для уютных посиделок, а небольшой грот позволял укрыться от непогоды. На свое счастье, попал маг именно в этот грот; в прилив пляж скрывался под водой, и вряд ли в своем тогдашнем состоянии он сумел бы перебороть стихию.

Он так и не сумел понять, почему в момент опасности в первую очередь подумал об этом диком месте, о котором не вспоминал со времен учебы. Но, пожалуй, так теневик вытянул единственный счастливый билет из тысячи: некому было искать его здесь.

На пятачке суши ничего не росло, разве что тонкий налет зеленых водорослей на камнях у входа в грот, но главная удача состояла в том, что в пещере имелся крошечный источник пресной воды. Даже не родник – сочащиеся сквозь породу капли, которые спасли ему жизнь. Следующим спасителем стала огромная колония моллюсков, обитающих на прибрежных камнях, и питающиеся ими крабы. И те, и дру-

гие, разбитые о камни, шли в пищу сырыми. Из-за них приходилось подолгу находиться в воде, и раны потому заживали очень неохотно, хотя и не загнивали.

Последнему способствовала еще одна козырная карта, о которой Хаггар не сразу вспомнил: родовой перстень владетелей Верас, чудом добытый им в последние довоенные дни после побега из королевских застенков. Охотиться за бывшей любовницей и ублюдком маг не стал – не до того было, – но оставить им эту реликвию он не мог. Благо хранился перстень в тайнике, в городском особняке, а противники теневика не ожидали, что тот из тюрьмы первым делом явится именно туда.

После его появления от особняка и нескольких соседних домов, к слову, осталась заполненная непонятным шлаком воронка: слишком много артефактов и книг находилось в этом доме, и оставлять врагам то, что не сумел унести, Верас не собирался.

А перстень, помимо всего прочего, служил накопителем магии, и сила, запасенная в нем, стала отличным подспорьем. Пусть Хаггар не умел исцелять, но вычистить раны может не только стихийная магия и целители: тьма и разрушение вполне способны справиться с этой небольшой задачей, да и затворять свою кровь, не позволяя ей вытекать, теневик умел. И экономно, очень скупо расходуя силу, сумел выдержать все.

За месяц, который прошел после боя под Талеро, маг

уже достаточно оклемался. Раны зарубцевались, рукам вернулась былая сила и скорость, и рацион мужчины пополнился сырой рыбой. Затянулись прорехи в ауре, и она вновь начала запасать магическую силу, так что около недели назад Хаггар телепортом совершил вылазку к жилью, где с помощью банального воровства разжился глиняной миской для воды, кое-какой едой помимо осточертевших сырых даров моря, простой полотняной рубахой и штанами взамен истрепавшихся. Два прыжка и проникновение в погреб зажиточного крестьянского дома выпили все силы, но маг справедливо посчитал это полезной тратой сил: при усиленном питании и резерв восстанавливается быстрее.

Вряд ли кто-то из прежних знакомых смог бы узнать в этом отшельнике не только самоуверенного юнца, каким он поступил на учебу, но даже того нелюдимого боевого мага, имя которого стало проклятием и постепенно вытеснилось прозвищем Выродок с порой прибавляемым – не иначе как для увеличения значимости – прилагательным Черный или Темный.

Хаггар здорово похудел, остались одни только кости и жилы. Черные волосы с появившейся проседью потускнели и выгорели до невнятного темно-серого пепельного цвета. Черты лица заострились и приобрели еще большую хищность. Вот разве что карие глаза остались прежними, только вместо безразличия и презрения в них поселилась усталая, обреченная злость загнанного зверя.

Светлая кожа, иссеченная шрамами свежими и старыми, загорела до черноты, и эти шрамы усугубляли его сходство с беглым каторжником. Застарелые, бугрящиеся кратерами заживших язв полосы на руках от прикосновения гремучего железа. Большой безобразный ожог на плече, оставленный чьим-то боевым заклинанием, полученный в последнем бою; как раз перед этим маг лишился щита и уже не успел поднять новый. Ровесники ожогу – несколько полос и пятен по всему телу от хлесткого дробного удара, совсем рядом чей-то удар разбил каменную кладку, и разлетающиеся осколки посекли кожу, разорвали плоть, а один Хаггару пришлось выколупывать из собственного бока.

Поначалу мужчина не думал о причинах, следствиях и своих дальнейших планах. Он просто отчаянно цеплялся за жизнь, заставлял себя подниматься с места и шевелиться, добывать пищу, через тошноту проглатывать склизкое сырое мясо, пахнущее морем и тиной. Потом он немного оклемался, но доставать еду стало сложнее: все ближайшие камни он уже очистил.

А вот когда маг почувствовал себя лучше настолько, что мог уверенно плавать и даже нырять, и сумел вернуться к тренировкам, эти мысли появились. О самоубийстве он, разумеется, не задумывался ни на мгновение: такого удовольствия он по доброй воле врагам не доставит. Но… что все-таки делать?

Жить здесь отшельником, воруя еду? Это не жизнь, это су-

ществование. Терпеть такие условия ограниченное время в силу необходимости – одно дело, но провести так всю жизнь? А чем это лучше самоубийства?

Поселиться где-то в глуши, поближе к человеческому жилью? Уже лучше. По крайней мере, можно обеспечить себе пристойные условия и, наверное, заняться какими-то исследованиями. Вот только… в экспериментах своих Хаггар разочаровался. Что толку от них, когда их результаты никому не нужны, а в ключевой момент не способна помочь никакая сила? Кроме того, постоянно жить с оглядкой, то и дело ожидая, пока прошлое и живые враги придут за его головой, – сомнительное удовольствие. А его не забудут, если не сочтут мертвым; да даже если сочтут, от нелепых случайностей и столкновения со знакомыми ничто не застрахует. Замаскироваться и жить как крыса, вздрагивая от каждого шороха и следя за каждым шагом? Нет, такой жизни он не хотел.

Вернуть имя и титул? В одиночку сделать то, что не получилось у приличной организованной армии? Пойти против всей страны и богов? Что ж, если вдруг он тронется умом и пожелает-таки свести счеты с жизнью, это будет отличный способ!

Он думал долго – благо других занятий в этом медвежьем углу не предвиделось – и все яснее понимал: для него здесь нет места. В этой жизни, в этом времени, в этом мире. Не осталось ничего, что было бы ему дорого и имело бы значе-

ние. Ни ориентиров, ни близких людей, ни цели, только пустота и обреченность. Куда бы он ни пошел сейчас, за что бы ни взялся, заполнить пустоту не получится.

Хаггар банально заблудился и запутался и уже сам не знал, с какого конца браться за этот клубок противоречивых мыслей и чувств. Хотелось избавиться от доброй их половины, просто выбросить лишние воспоминания и эмоции, стереть лицо и нарисовать новое, чужое, никак не связанное со всем, что он помнил.

Он не мог – или просто боялся – сформулировать это, но всем своим существом мужчина ощущал неправильность. Неправильность не отдельных поворотов и событий, а всей жизни, начиная с самого рождения, как будто уже тогда он сделал что-то не так и вся жизнь покатилась под откос, даже не успев встать на нужные рельсы. Дальше ошибка накладывалась на ошибку, и на кривом фундаменте выстроилось скособоченное здание, которое по всем законам не могло существовать, но почему-то существовало.

Ошибочность каких-то поступков он понимал, но изъян лежал глубже. Чтобы пожелать или не пожелать исправить, его для начала стоило бы найти и осознать, а Хаггар попросту не знал, что и где искать. Может, кто-то мудрый со стороны, вроде бога, и сумел бы найти проблему, и даже решил ее. Но богам теневик больше не верил.

Идея пришла утром, пока он лежал в полусне, ожидая, когда солнце поднимется выше, заглянет в бухту, и можно бу-

дет идти на промысел.

Если для него нет места здесь и сейчас, логично поискать оное где-то еще, хоть бы даже в другом мире. Пусть никто никогда не делал подобного, но существование иных реальностей доказано, а вот невозможность путешествия между ними еще никто доказать не сумел. Пусть подобное называют прерогативой богов, пусть не верят, но он хотя бы попытается. А если погибнет, пытаясь, это будет хорошая смерть.

Приняв решение, он вдруг почувствовал почти забытую легкость, какой не ощущал, пожалуй, с юности. Единственная ясная цель и никаких сомнений – редкое, уникальное, удивительное ощущение!

Но для начала стоило отомстить. Не королю и преданным ему людям, которые перевернули привычную жизнь с ног на голову, – какое дело до политики тому, кто намерен шагнуть за грань? Другому, достойному смерти как никто. Пусть это будет прощальный подарок миру. Либо он умрет, пытаясь воплотить одну из двух невероятных задумок, либо все сложится так, как мечтается.

В любом случае терять ему в самом деле больше нечего.

Единственное, что оставалось неизменным, была боль. Междумирье как будто заживо сдирало кожу, иглами впивалось под ногти и скручивало внутренности в тугой узел. Боль никуда не уходила, порой обострялась или становилась глуше, будто брала передышку, но неизменно следовала за *ним*.

Он даже, кажется, привык к ней и сумел смириться.

Кроме того, физическая му́ка не шла ни в какое сравнение с чем-то необъяснимым, нематериальным, клубящимся глубоко внутри – там, где прежде жила магическая сила и где жалась в комочек душа, испуганная и отчаянно стремящаяся прочь из этого Ничто. Это ощущение не получалось назвать болью, но оно было много хуже. То, что составляло основу *его* «я», рассыпалось на составные части и склеивалось во что-то другое, чуждое, непонятное. Вроде бы и похожее на себя изначальное, но – иное. Более правильное?

Врожденное увечье, незаметный глазу дефект истаивал, сглаживался, зарубцовывался. А боль…

Рождаться заново – всегда больно.

1401 год от Великого Раскола

Окраина Есила, предгорье Ничейных гор

Ничейные горы вытянулись вдоль всего континента от края до края, неприступной стеной защищая равнины от морей, омывавших узкую длинную ленту суши с северо-запада – ласковых и тихих летом, но жестоких и бурных зимой. Если родина Вераса, Рубер, располагалась на северо-востоке, то нынешнее прибежище замыкало юго-западную оконечность обитаемого материка – бежать дальше было некуда. Благо образование Хаггара включало в себя и всестороннее изучение языков, поэтому есил-та, местное наречие, он знал. Может, не в совершенстве и произношение оставляло

желать лучшего, но своих учителей и покойного отца, столь основательно подошедшего в свое время к образованию наследника, маг вспоминал добрым словом.

Недавнее безумие войны всех против всех зацепило это сонное царство лишь краем. В Есиле больше других богов почитали Воздающего, а прочих вспоминали очень редко, только по важным праздникам. Местные уроженцы полагали, что нынешняя жизнь – это испытание, которое нужно пройти с честью, и тогда справедливый бог отмерит благодати полной чашей. А что сейчас пальцы выглядывают сквозь дыры в ботинках – так это мелочи, временные неудобства.

Понятно, не все аборигены придерживались подобного мнения, многие предпочитали жить в свое удовольствие уже сейчас, но общая философия оказалась Хаггару на руку. Здесь мало интересовались прошлым людей, гонениями на поклонников Незримого, ввиду почти полного отсутствия оных, не злоупотребляли, любили неторопливые разговоры под пузатую чашу вина. Жизнь текла размеренно и неторопливо, как местные широкие полноводные реки, укутанные по берегам в бескрайние виноградники, и местный более ровный и мягкий, чем в Рубере, климат как нельзя больше располагал к подобному ритму.

Как ни странно, в это глухое, сонное место Хаггара Вераса привели поиски информации.

Можно ли убить бога? Во Вселенной нет ничего вечного и неизменного, так что – почему бы и нет?

Как это сделать? Вопрос посложнее. Бог способен одолеть бога в честном бою, но как быть в этой ситуации человеку? Уговорить кого-то из богов? Стать равным богу? Сделать бога смертным? Прибегнуть к хитрости? Найти волшебное оружие?

Собственно, решением последнего вопроса – не об оружии, а более глобального – как? – и занимался Хаггар Верас с окончания войны. Точнее, двух: вторым, существенно уступающим в сложности, являлся поиск способа путешествия между мирами. Или, вернее, грамотное составление необходимого для этого ритуала.

Проблемы последнего в основном упирались в необходимость добыть нужные для чар предметы. Это раньше, когда теневик был баснословно богат и лично знаком со всеми нужными торговцами, все могло решиться за пару дней. А сейчас он не только испытывал финансовые затруднения, но ко всему прочему вынужден был действовать крайне осторожно, чтобы случайно не привлечь к себе излишнего внимания.

Собственно, те же обстоятельства существенно осложняли решение и первого вопроса: Хаггар попросту не имел доступа к нужным библиотекам и книгохранилищам, и получить его, не вызвав ненужного любопытства, не мог. Зато умение задавать правильные вопросы и внимательно слушать привело его сюда, где вдали от суеты больших городов коротал свои дни чудаковатый старый сумеречный маг,

последний потомок древнего магического рода, захиревшего уже лет сто назад и вот-вот планирующего окончательно сойти на нет.

Кому как не Верасу, потомку подобного же рода, знать, какие сокровища порой встречаются в личных книжных коллекциях таких фамилий!

Новости с родины в эту глухомань докатывались медленно и не всегда, но основные факты Хаггар выяснил еще до знакомства со стариком-сумеречным, пока скитался по знакомым городам. Король в Рубере окончательно взял власть в свои руки и теперь вовсю пользовался ей. Насколько его правление оказалось лучше власти аристократии, Хар судить не брался, да и не интересовали его уже такие вещи.

Кто-то из старших аристократов успел бежать в соседние страны, и их земли разделили между новыми вассалами. Многие погибли, сохранив верность себе, но не короне. А в целом… изменились имена, но сам двор почти не изменился. Разве что пресловутая власть в самом деле сосредоточилась в одних руках. К добру ли, к худу – показать могло только время, и не пара лет, а по меньшей мере десяток. Ждать столько Хаггар уж точно не планировал.

Наследником рода Верас, как и грозился в свое время Гасар Ассай, стал внебрачный сын при регентше-матери, и это известие теневик воспринял с философским безразличием. Прежде мысль об ублюдке-владетеле его бесила, а теперь очень мало в этом усталом, окончательно зачерствевшем и

угрюмом человеке осталось от прежнего Хаггара. Честь рода его больше не заботила, не беспокоила судьба земель и вассалов. Война оставила ему единственную собственность – жизнь, и только это богатство сейчас интересовало мага. Он отдавал себе отчет, что уже ничего не сумеет вернуть, и, пожалуй, смирился с участью объявленного вне закона преступника. Только повинно идти на плаху все равно не собирался: единственную ценность он планировал по возможности сохранить.

Мать покончила с собой уже давно, вскоре после казни отца. Не от большой любви, скорее, не пожелала жить с позором и, главное, в нищете. Вряд ли вдову владетеля в самом деле выкинули бы на улицу и заставили побираться, скорее, назначили бы некоторое содержание или отправили в монастырь, но… после драгоценностей и великолепных нарядов, в которых владетельница блистала в столице, согласиться на подобное?! И уж, конечно, она не стала бы терпеть условия военного лагеря, ссылку и изгнание. Нельзя сказать, что женщина сразу и безоговорочно признала победу короля и не верила в собственного сына и его соратников. Совершенно не разбирающаяся в политике и стратегии, она судила по сиюминутной ситуации и тому обстоятельству, кто владел столицей, а столицу венценосец постарался заполучить сразу.

Что стало с его собственной женой, Хаггар не знал. Дошли слухи, что ее вернули отцу, проявившему лояльность к его величеству, и молодая женщина повторно вышла замуж, но

насколько эти слухи стоили доверия – большой вопрос.

Одинокий скучающий старик встретил странного гостя радушно. Слова теневика, благоразумно скрывшего под хорошей маской масштабы своих истинных талантов (учитывая, что такую маску мог разглядеть только маг соизмеримой силы, риск оказался минимальным), что он устал от войны и потому бежал подальше от родных мест, где все напоминало о том кошмаре, есилец принял благосклонно. Во-первых, подобный сценарий выглядел убедительно без всяких оговорок, а во-вторых… по сути, в этой версии почти не было лжи, которую неплохо чуют любые маги, а уж сумеречные в особенности.

В итоге старик решил, что угрюмый теневик скрывает какие-то мелкие подробности и, вероятнее всего, является дезертиром, и на том успокоился. Тем более крепкий, сильный мужчина вполне пригодился в хозяйстве и где чарами, где просто руками оказал хозяину дома существенную помощь. Со светлым или братом по силе, конечно, было бы спокойней, но и такой помощник лучше, чем никакого. Кроме того, старика мучила банальная скука, потому что поговорить на профессиональные темы здесь оказалось не с кем. Не считать же достойным собеседником единственного на всю округу посредственного лекаря! А жилец, назвавшийся Гаром, оказался чрезвычайно умным и интересным типом.

Прослышав о появлении теневика, в дом старика потянулись просители. К простому, случайному человеку вряд ли

пришли бы так быстро, а тут вроде как проверенный: раз уж свой, родной, выросший в этих местах сумеречный спокойно принял гостя, так и простым людям не страшно обратиться.

Несколько лет назад Хаггар разозлился бы от одной только мысли, что он, сильнейший маг современности, займется уничтожением крыс, насекомых и мелкой нечисти в большой деревне, гордо именующей себя городом. А сейчас он плевал на подобные мелочи. Главное, за это платили деньги, а деньги были ему ой как нужны.

Где-то за месяц к молчаливому нелюдимому пришельцу привыкли и перестали провожать его взглядом – отзывы довольных клиентов стали лучшей рекомендацией.

Ресторанов или даже приличных харчевен здесь не наблюдалось, люди предпочитали питаться дома, зато буквально на каждой улочке имелось питейное заведение. Здесь посетителям предлагали немудреную закуску, особенно голодным могли принести остатки утренней выпечки из пекарни через квартал, но в основном собирались для того, чтобы за кружкой прекрасного молодого вина или чашкой вкусного кофе посидеть в хорошей компании или в одиночестве.

Хаггар пристрастился приходить сюда за тем же. Почему-то здесь, под примитивным навесом, крытым широкими сухими листьями, откуда открывался ласкающий глаз вид на серо-синее спокойное море, ему очень хорошо думалось. Более того, слушая тихий шелест прибоя, быстрый местный говор и пахнущий сохнущими на солнце водорослями ветер,

он чувствовал неожиданное умиротворение и покой. Кажется, здешняя размеренная плавная жизнь оказывала на издерганного уставшего мужчину целительное воздействие.

– Я хочу поговорить с тобой, маг, – нарушил уединение Вераса негромкий голос. Теневик едва не вздрогнул от неожиданности – услышать родную речь здесь он не ожидал – и перевел внимательный взгляд на незваного собеседника. И совершенно растерялся, увидев на нем традиционное темно-зеленое одеяние жреца Воздающего. Надето оно было на невысокого чернявого местного уроженца лет сорока, не примечательного ничем, кроме живых и пронзительных зеленых глаз – большинство есилцев обладали темно-карими, почти черными.

«А этому-то что от меня понадобилось?» – Хаггар мысленно ругнулся, а вслух сказал:

– Садись, жрец. О чем же ты хотел говорить?

– Прежде чем я заговорю, хочу предостеречь тебя от опрометчивых поступков. Выслушай до конца. Я пришел не с угрозами, да и цели наши совпадают.

– Хватит мутить воду, – скривился теневик. Такое вступление ему не нравилось, но никаких дурных предчувствий служитель Воздающего почему-то не будил. – Говори по делу.

– Во-первых, я знаю, кто ты, темнейший из темных магов нашего столетия, – невозмутимо начал жрец. Верас медленно кивнул, но торопиться с выводами в самом деле не

стал. Если бы собеседник хотел его смерти, он уж точно не стал бы заговаривать первым и открывать карты, так что его как минимум стоило выслушать. – Во-вторых, я знаю, что ты ищешь: ты жаждешь пути и мести.

– И откуда ты это знаешь? – осведомился Хаггар. Поскольку об истинной цели поисков теневика не знал даже хозяин книг, вариант оставался один, но маг предпочел уточнить.

– Именно оттуда, – уголками губ улыбнулся священник, а глаза его неожиданно озорно блеснули. – Более того, я считаю эту цель более чем достойной и помощи, и поддержки.

– Ты или тот, кому ты служишь? – вырвалось у мага, а брови его непроизвольно взметнулись вверх. Разговор получался более чем неожиданный. На вопрос жрец ответил многозначительной улыбкой, и Верас выразительно хмыкнул. – Вот как. Забавно. И зачем в таком случае нужен я со своими поисками?

– Тот, кого ты ищешь, прячется. Очень хорошо прячется. А на зов своего преданного слуги – последнего преданного! – явится скорее, чем на призыв противника. Кроме того, фигура, разделяющая твои устремления, не имеет права самостоятельно вершить суд над равным, но может вложить клинок в руки достойного.

– Хочешь сказать, я – достойный? – расплылся в ухмылке тот, кого последние годы не называли иначе как Темным Выродком. – Давно я таких слов не слышал.

– Считай это возможностью искупить свою вину, – не рас-

терялся слуга Воздающего. – Более того, если все получится, тебе помогут найти и тот путь, которого ты жаждешь.

– А что взамен?

– Я же говорил, наши интересы и устремления совпадают, – развел руками жрец. – Уход вас обоих только на руку всем здешним обитателям.

Мужчины некоторое время мерились взглядами, а потом Хаггар решился и кивнул:

– Я согласен. Что нужно делать?

– Пока достаточно твоего согласия. Ты сам знаешь, маг, что в таких делах спешка только мешает. До встречи.

Теневик кивнул на прощанье и проводил уходящего собеседника взглядом и выразительной ухмылкой.

В благородство и человеколюбие богов Хаггар Верас не верил, без подвоха сделка обойтись не могла. Но, даже несмотря на это, картина вырисовывалась очень интересная и заманчивая. Высшие сущности не имели права лгать, могли лишь замалчивать детали – в этом сходились решительно все трактаты и легенды о богах. А еще они не имели права напрямую вмешиваться в разборки смертных, только опосредованно, через руки преданных сторонников.

В общем-то Хаггар догадывался, где ждать подвоха – во второй части сказанного, в пресловутой помощи с поиском пути. Не исключено, что бог, скажем, попытается убить сделавшего свое дело мага. Или точно знает, что его «орудие возмездия» погибнет в процессе битвы. Но эти соображения

мужчину почти не трогали.

Дело в том, что поиски его не приносили результата. Смертные знали о богах слишком мало, чтобы теневик мог найти хотя бы намек на способ уничтожения божества. Попадались только смутные и наверняка не раз перевранные за тысячелетия легенды о том, что до пришествия нынешнего пантеона боги были другие, но Хаггар не сомневался: прежних «жильцов» подвинула как раз высшая четверка и их свита. Не люди.

Маг чувствовал, что копать надо совсем в другую сторону и книги в его деле не помогут. Он уже почти расписался в собственном бессилии, а тут вдруг этот жрец со своим заманчивым предложением.

Позиция Воздающего тоже была по большей части ясна. Он одновременно чужими руками избавлялся от доставившего массу неприятностей «коллеги», являвшегося бельмом на глазу троих верховных богов, и безболезненно освобождал мир от слишком деятельного смертного. Конечно, самого Хаггара можно было бы безыдейно убить, если бы не одно «но»: сила во многом является частью души, которая после смерти отправится на перерождение в этом же мире. А зачем ждать возвращения пусть сильной, но очень темной души, дополнительно замаравшей себя в нынешнем воплощении, гадая, в каком обличье появится она вновь и что принесет в мир, если можно легко, непринужденно и по обоюдному согласию окончательно избавиться от этого непредсказуемого

опасного фактора?

После этого разговора незаметно прошло больше недели. Жрец, служивший при местном храме, успешно делал вид, что с магом знаком не ближе, чем остальные местные жители, но Хаггар не торопил и с расспросами не лез. В конце концов, не исключено, что беседовал с ним не слуга, а сам господин.

Следующий разговор состоялся на том же самом месте.

– Здравствуй, маг, – вежливо приветствовал его зеленоглазый служитель Воздающего.

– Здравствуй, жрец, – со смешком в том же тоне ответил теневик и кивнул на соседний стул.

– Я хотел бы тебя нанять. В храме завелись крысы, которым там не место, а люди говорят, что ты с этим можешь помочь.

– Могу, – не стал отпираться маг, гадая, всерьез его сейчас просят разобраться с грызунами или собеседник решил разбавить скучные будни игрой в шпионов. – Когда?

– Было бы неплохо прямо сейчас.

Как показала практика, Хаггар не угадал: жрец решил совместить два полезных дела. То есть крысы в самом деле завелись, но под предлогом борьбы с грызунами мужчины поговорили и о более важном. А вернее, собрались вывести вместе с крысами кое-кого еще.

Несмотря на красивые слова про меч, вложенный в руку смертного, никаких божественных сил или чудо-оружия Ве-

расу никто не предложил. От него вообще в итоге мало что зависело, маг выступал скорее приманкой, чем убийцей, но даже роль посредника его полностью устраивала.

План оказался прост и этим понравился теневику особенно. Как объяснил жрец, действующий храм враждебного бога-антагониста – лучшая ловушка для любой подобной сущности, нахождение в таком месте здорово ослабляет и лишает защиты. Понятно, что не навсегда, а только на короткое время, но и без того пребывающему не в лучшей форме Незримому, оставшемуся без большинства своих последователей, а значит, и сил, этого должно было хватить. Точнее, хватить жрецу, который собирался нанести единственный удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.